

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Псковский государственный университет»

Институт гуманитарных наук и языков коммуникаций

Кафедра отечественной истории

Исторический факультет

44.03.01 «Педагогическое образование»

профиль «Историческое образование»

«Допустить к защите»

Защищена с оценкой

Заведующая кафедрой

_____/Н.П.Никитина

«_____»

« » _____ 2020 г.

Выпускная квалификационная работа

студента Карякина Дмитрия Сергеевича

на тему

Образ «живота» и «смерти» в тексте Псковских летописей

Руководитель

Ю.В. Колпакова

Автор работы

Д.С. Карякин

Псков

2020

Содержание

1. Введение.....	3
2. Глава I. История изучения исторических понятий «смерть» и «живот».....	13
3. Глава II. Образы смерти и погребальные традиции древних псковичей в тексте Псковских летописей	25
2.1. Смерть князя.....	26
2.2. Смерть в бою.....	30
2.3. Мор, пожар, знамение.....	33
2.4. Голод.....	43
4. Глава III. Понятия «живота» в Псковских летописях и древнерусской литературе	46
3.1. Жизнь.....	46
3.2. Имущество.....	55
5. Заключение.....	62
6. Источники и литература.....	68
7. Приложения.....	72

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ее важностью для более глубокого осмысления региональной истории, то есть истории Псковского края, в контексте общерусской истории. История понимания и отношения к смерти и жизни хорошо разработана в зарубежной историографии, но стоит обратить внимание на то, что в ней затрагивается лишь взгляд со стороны европейцев. Категории жизнь и смерть в древнерусском мировоззрении отечественной историографии являются малоизученными.

Современная историческая наука не только занимается выявлением и изучением закономерностей развития человечества, но и находится в поиске форм взаимосвязи общественного и индивидуального в контексте отдельных эпох и отдельных государств.

Для характеристики этой взаимосвязи важно изучение мышления древности, для которого жизнь и смерть выступают как базовые философские и мировоззренческие понятия. С одной стороны, такие понятия очень близки животному мышлению и сформировались у человечества очень рано, с другой стороны – они имеют максимальное количество культурных наслоений. Изучая эти наслоения, нюансы смыслов разных эпох и регионов, мы можем проследить этапы формирования того, что мы называем национальной идеей, национальным характером, современным мышлением.

Научная новизна исследования заключается в подходе к исследуемому предмету. Подход заключается в выявлении упоминаний «смерти» и «живота» и их дальнейшем смысловом делении, и определении связи между ними. Такой подход подразумевает поиск ответов на следующие вопросы: «Что означает упомянутое понятие?», «В каком контексте оно употреблено?», «Каково отношение автора к выделенному понятию?», «Какой смысл, автор придал данному понятию?», «Какое место эти понятия занимали в мировоззрении средневекового человека?», «Можем ли мы приблизиться к пониманию особенностей мироощущения средневекового человека, опираясь на знание о

понимании им базовых понятий?», «Был ли псковский текст в отношении понятий «живот» и «смерть» чем-то особенным или полностью находился в контексте общерусской системы понятий?»).

Источниковая база исследования включает Псковские летописи, исходя из того, что темой данного исследования являются изучение образа «смерти» и «живота» по данным летописей. Вторым основным источником является литература Древней Руси, которая включает в себя обширный ряд разных по жанру и объему произведений. Опубликованные тексты древнерусских произведений, а также их переводов составляют многотомный сборник «Библиотека литературы Древней Руси»¹. Данное издание было подготовлено на основе оригинальных первоисточников, сопровождаемых параллельным переводом и комментариями.

Первые исследования, посвященные изучению Псковского летописания, начались в XIX в. Впервые Псковская летопись была издана академиком М. П. Погодиным в 1837 г. в Москве. Псковская I летопись была издана по двум Архивским спискам и одному Синодальному.

В начале 1850-х гг. были подготовлены первые издания псковских летописей по известным на тот момент спискам. Изучение их содержания привело к тому, что были выделены в качестве отдельных самостоятельных памятников летописания, отличных по внутренним тенденциям – Псковская I летопись и Псковская II летопись.

В XX веке изучением Псковского летописания занимался советский историк, источниковед А. Н. Насонов. Им было исследовано и описано 25 списков летописей. Ученым было установлено, что весь текст Псковских летописей следует делить на три летописи: Псковскую I, Псковскую II, а также Псковскую III.

Насонов считал, что в основе реконструкции текста Первой летописи должен быть представлен текст Тихановского списка. Вторая может быть

¹ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997.

представлена лишь Синодальным списком. В основе третьей же должен лежать Строевский список.

Первый том был издан Насоновым в 1941 году и содержал в себе Псковскую первую летопись. Вторым том был издан спустя 14 лет, в 1955 году, он содержал в себе Вторую и Третью Псковские летописи.

Изучение псковских летописей в контексте общерусского летописания проводилось тем же автором. Издание первой летописи было осуществлено в 1848 г. в четвертом томе Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).² Вторая Псковская летопись была издана отдельно в 1851 г. Она вошла в пятый том Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).³

Наблюдения по истории псковского летописания, были изложены А. Н. Насоновым в предисловии к изданию псковских летописей и небольшой статье с характерным названием «Из истории псковского летописания».⁴ Первое специальное исследование по истории псковского летописания появилось в 1975 г., автором его выступил германский ученый Г. Ю. Грабмюллер. Монография Грабмюллера «Псковские летописи. Исследование о русском областном летописании 13-15 веков», по замечанию В. И. Охотниковой, содержит ряд ценных наблюдений над политическими тенденциями и стилистическими особенностями летописных текстов. Общая картина истории текстов псковских летописей за XIII-XIV вв., восстанавливаемая Грабмюллером, в некоторых деталях расходится с той схемой развития псковского летописания, которая была предложена А.Н. Насоновым.⁵

В рамках современной историографии также можно выделить несколько статей, проливающих свет на историю изучения псковского летописания. Проблема изучения псковского летописания рассматривается в соответствующей статье А.В. Валерова. Возникновение собственного

² ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4

³ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5

⁴ Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18

⁵ Охотникова В.И. Псковские летописи как литературно-исторические памятники // Псковская губерния. №38(58).

летописного дела он полагает закономерным следствием создания самостоятельной государственности. Автор статьи ставит перед собой вопрос о сопоставимости степени изученности новгородского и псковского летописания, которое служит источником основных сведений об истории Северо-запада Руси. Уточняется, что псковские летописи – это та ветвь русского летописания, в рассмотрении истории возникновения и развития которых до сих пор остается много спорных или даже вообще нерешенных вопросов.⁶

В статье В.Г. Вовиной-Лебедевой «К истории изучения псковских летописей» речь идет о трех историках, в центре творчества которых в разные периоды их жизни находились псковские летописи. Один из них знаменит как исследователь и издатель – А.Н. Насонов. Двое других известны лишь специалистам – это Н.Е. Андреев и Л.А. Творогов. В статье рассматриваются их взгляды на историю псковского летописания, научные труды, посвященные его изучению, выводы по исследованиям псковских летописей.⁷

Статья В.И. Охотниковой «Летописи Псковские» обобщает сведения о Псковских летописях – сводах XV-XVII вв., связанных единством происхождения, но представляющих собой несколько самостоятельных памятников. Обзор содержит сведения о списках первой, второй и третьей летописей. Отмечается, что Псковские летописи содержат богатый материал по истории Псковской земли, Новгорода, Прибалтики и Москвы. Автор констатирует, что с развитием летописания записи становятся более подробными, охватывая весь круг событий военной, гражданской и церковной жизни Пскова и приобретая постепенно общерусский характер.⁸

Современное переиздание соответствующих томов ПСРЛ с текстами псковских летописей сопровождается пространным комментарием Б.М. Клосса,

⁶ Валеров А.В. История изучения псковского летописания//Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV веков. СПб.: Алетей, 2004. 315 с.

⁷ Вовина-Лебедева В.Г. К истории изучения псковских летописей//Псков – Москва: 500 лет в едином государстве: Сборник трудов международной научной конференции 19 – 21 мая 2010 г. Псков: Псковская областная типография, 2011. С.416–442. (1 п. л.)

⁸ Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып.2 (вторая половина XIV-XVI вв.) Ч.2. С.28.

характеризующим современные представления о списках и редакциях источника.⁹

Обнаружение нового летописного источника привело к попыткам нового рассмотрения истории новгородского и псковского летописания, в некоторых аспектах тесно связанных между собой. В статье «Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи», А.М. Введенский на основе текстологического анализа приходит к выводу, что текст из Варшавского сборника является отдельной ветвью свода 1547 года, но не оригиналом летописи, совместившей тексты Новгородской V и Псковского I летописей. Вероятно, с текста свода в 1548 г была снята «варшавская» копия, которая, по мнению исследователя, могла начинаться с рассказа 1169 г.¹⁰ На основе новых данных тот же исследователь обращается и к вопросу о пересмотре датировки протографа псковских летописных текстов.¹¹

В целом стоит сказать, что изучение летописных текстов XIII-XV вв. еще не завершено, все еще существуют вопросы, предположения, гипотезы, которые подлежат обсуждению.

Летописи являются крайне востребованным и содержательным источником по русской и региональной истории. Они широко привлекаются в исследованиях, начиная с XIX в.¹² и до наших дней, как по истории,¹³ так и по археологии.¹⁴

⁹ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2003 года // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. Москва, 2003. 5–7.

¹⁰ Введенский А.М. Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 199–209.

¹¹ Введенский А.М. О нижней временной границе составления общего протографа псковских летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (69) 2017. М., 2017. С. 21–22.

¹² Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1867. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли; Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т. 1.

¹³ Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; Кафенгауз Б.Б. Древний Псков (Очерки по истории феодальной республики). М., 1969; Вовин А.А. К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV вв. // НИС. В. Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 103–114; Несин М.А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 17–23; Городилин С.В. Иван Репня Оболенский: «наш князь» или чужой наместник? К вопросу о статусе псковских князей в XV – начале XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат. 63-го семинара им. акад. В.В. Седова. Псков, 2018. С. 65–89. Линдт, Дж.Х. Некоторые соображения о Невской битве и её значении [Reflections on the Battle on the Neva and its impact, in Russian] // Александр Невский и его эпоха. Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб, 1995. С. 44–54.

¹⁴ Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011.

Цель исследования заключается в выявлении названных образов и понятий по данным Псковских летописей, а также по литературным произведениям Древней Руси, их характеристике и смысловом делении с выявлением взаимосвязи между ними.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- контент-анализ текстов Псковских летописей и сравнительное изучение тематических памятников литературы Древней Руси, выявление упоминаний «смерти» и «живота»;
- изучение контекста, классификация выявленных упоминаний, смысловое деление выявленных понятий;
- реконструкция основных особенностей восприятия «смерти» и «живота» древними авторами;
- сравнительный содержательный анализ данных, полученных на материале псковского летописания и выявленных в литературных произведениях Древней Руси.

Хронологические рамки исследования обусловлены периодом, который описывают Псковские летописи. С определенными оговорками этот период можно обозначить IX – сер. XVII вв.

Территориальные рамки исследования представлены границами современной Псковской области с поправкой на исторические реалии Псковской вечевой республики и территории Пскова в составе централизованного Русского государства. Благодаря изучению понятий в общерусском контексте, с привлечением древнерусских литературных произведений, обозначенные границы значительно расширяются до пределов русскоязычного мира.

Предмет исследования – данные Псковских летописей и опубликованных памятников древнерусской литературы, образы «смерти» и «живота», их смысловое значение.

Объект исследования – мировоззрение средневековых псковичей, особенности описания ими исторической реальности.

Методологическая база исследования представлена комплексным анализом источников. Используются методы логико-смыслового анализа, элементы контент-анализа, ретроспективный, системный, описательный методы.

Среди общих принципов исторического исследования, применяемых в данном исследовании, следует выделить принцип историзма, предусматривающий изучение фактов и явлений в процессе их становления, изменения, развития и перехода в новое качество и в непосредственной связи с другими явлениями. Принцип позволяет проследить процесс изменения и формирования представлений древних псковичей о «смерти» и «жизни», и то, каким образом и под воздействием каких факторов они изменялись. Кроме того, принцип историзма требует учитывать специфику использования понятий «жизнь» или «живот», и «смерть» в языке псковского населения, а именно: с чем было связано использование данных понятий, что на деле они означали, какие явления и события могли быть связаны с данными понятиями.

Принцип системности предполагает, что все события, ситуации и процессы общественно-исторического развития казуально обусловлены, имеют причинно-следственные связи, функционально связаны. Наблюдаемые изменения в использовании данных понятий в соответствии с данным принципом понимаются в нашем исследовании как отражение изменения самих слов «живот» и «смерть», а именно, значений данных слов, формирование устойчивого представления о том, что представляет «живот» и «смерть».

Принцип объективности, предполагает воспроизведение объекта исследования таким, каким он существует сам по себе, вне зависимости от человеческого сознания, личных предпочтений исследователя. Для достижения объективного анализа потребовалось привлечение письменных источников. Это, в свою очередь, потребовало учета субъективности обрабатываемых источников. Объективность результатов исследования зависит от учета

субъективности данных, приводимых в Псковских летописях и древнерусских литературных текстах, от верной интерпретации полученной информации с учетом исторического контекста.

К комплексу основных методов исторического исследования относится описательный метод, который сводится к логичному и последовательному изложению явлений, событий и сведений. Использование данного метода обусловлено необходимостью охарактеризовать степень научной разработки проблемы, источниковую базу, особенности отобранного материала. Описательный метод напрямую соотносится с непосредственным приведением количественной информации из анализируемых Псковских летописей, а также изложением исторических сведений.

Для установления причинно-следственных связей между различными явлениями, событиями, связанными с понятиями «живот» и «смерть», потребовалось применение логических методов (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и сравнение, обобщение). Их использование позволяет определить причины изменения содержания данных понятий, а также способы их использования для объяснения и описания происходивших событий. Кроме того, данные общенаучные методы лежат в основе применяемых специально-научных методов.

Сравнительно-исторический метод заключается в выявлении сходства и различия между использованием понятий «живот» и «смерть», а также событий и явлений, напрямую связанных с данными понятиями. Путем их сравнения достигается решение задачи выявить общее и различное в употреблении данных понятий, то, как понимались определенные происходящие явления, как менялись значения слов.

Таким образом, вышеперечисленные методы и приемы позволяют решить поставленные задачи и достичь цели исследования, то есть выявить особенности использования, изменения, формирования образов «живота» и «смерти» по данным Псковских летописей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности проведения специального семинара по основным категориям средневековой культуры в псковских письменных источниках. Новые данные могут быть включены в курсы лекций по истории России и истории Псковского края, материалы спецкурсов и спецсеминаров, экскурсий, популярных, познавательных и интерактивных программ.

Структура работы представлена в содержании.

Во Введении отражены актуальность и новизна темы выпускной квалификационной работы, определены предмет, объект исследования, хронологические и территориальные рамки, даны характеристика источниковой базы и методологическая база, сформулирована практическая значимость работы.

В первой главе «Историография понятий «смерть» и «живот» рассматривается литература, посвященная изучению данных категорий.

Во второй главе «Образы смерти и погребальные традиции древних псковичей в Псковских летописях» приведен анализ упоминаний «смерти» в Псковских летописях. Отдельные параграфы главы посвящены каждому из типов упоминаний.

В третьей главе «Понятия живота» рассмотрены и проанализированы два аспекта понятия «живот». Анализ сделан на основе древнерусских литературных текстов. Параграфы главы посвящены двум смысловым категориям одного понятия.

В Заключении приведено сравнение упомянутых категорий в Псковском летописании и древнерусской литературе, подведены итоги выпускной квалификационной работы, сформулированы выводы и обобщения по рассматриваемой теме.

Апробация результатов исследования состоялась на заседании «Секции истории России и Псковского края до конца XVIII века» Международной молодежной научной конференции «Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, культурологии и музеологии» (2–6 апреля 2018 г.) (доклад

«Образы смерти в представлении древних псковичей по данным Псковской I летописи»), в форме публикации в сборнике «Молодежь-науке» (по итогам конференций 2018 г. и 2020 г. – сданы в печать).

Глава I. История изучения исторических понятий «смерть» и «живот»

Теме смерти в средневековом мировоззрении посвящены исследования многих современных авторов.

Первым из таких исследователей является Филипп Арьес, автор монографии «Человек перед лицом смерти».¹⁵ Книга представляет собой исследование психологических установок европейцев в отношении смерти и их смены на протяжении огромного исторического периода – от средних веков до современности. Как показывает Арьес, в понимании индивидом и обществом смерти и потустороннего мира проявляется отношение к жизни. Изменение взглядов на человеческую кончину происходит крайне медленно и поэтому ускользало от внимания историков. Касаемо отношения к смерти в Средние века Арьес пишет, что видимое отсутствие страха перед смертью у людей раннего Средневековья объясняется тем, что, по их представлениям, умерших не ожидали суд и возмездие за прожитую жизнь и они погружались в своего рода сон, который будет длиться «до конца времен», до второго пришествия Христа, после чего все, кроме наиболее тяжких грешников, пробудятся и войдут в Царствие небесное. Далее Арьес выделяет идею Страшного суда, которая была выработана, как пишет автор, интеллектуальной элитой и утвердилась в период между XI и XIII столетиями. После этого, начиная с XII в. сцены загробного суда изображаются на западных порталах соборов, а затем, примерно с XV в., представление о суде над родом человеческим сменяется новым представлением – о суде индивидуальном, который происходит в момент кончины человека. Одновременно заупокойная месса становится важным средством спасения души умершего. Более важное значение придается погребальным обрядам. Арьес пишет, что характерная для Средневековья анонимность погребений постепенно изживается, и вновь, как и в античности, возникают эпитафии и надгробные изображения умерших.

¹⁵ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр./ Общ. ред. Оболенской Св.; Предисл. Гуревича А.Я.— М.: Издательская группа «Прогресс» — * Прогресс- Академия», 1992. — 528 с.

Другим исследователем, который предпринял попытку выявить средневековый образ смерти, стал Йохан Хёйзинга, автор монографии «Осень средневековья».¹⁶ В целом в книге рассматривается социокультурный феномен позднего Средневековья с подробной характеристикой придворного, рыцарского и церковного обихода, жизни всех слоев общества. Касаемо понятия смерти Хёйзинга пишет, что «смерть как персонаж была запечатлена на протяжении веков в пластических искусствах и литературе в нескольких вариантах: в виде апокалипсического всадника, пронесившегося над грудой разбросанных по земле тел. В виде скелета с косой или луком и стрелами – пешего, восседающего на запряженных волами дрогах или передвигающегося верхом на быке или на корове. Но для создания персонифицированного образа смерти всё еще не хватало фантазии». Но постепенно, как пишет Хёйзинга, «на исходе средневековья в представление о смерти вторгается новый, поражающий воображение элемент, содрогание, рождающееся в той области сознания, где роились жуткие призраки, вызывавшие внезапные приступы липкого, ледящего страха. Религиозная мысль переносит всё это в моральную сферу, охотно используя подчиняющую силу страха, с его образами, вызванными ужасом перед привидениями».

Также стоит выделить сборник статей «Категории жизни и смерти в славянской культуре»¹⁷, издаваемый институтом славяноведения РАН. Авторы сборника исследовали оппозицию «жизнь/смерть», средства ее выражения и динамику значений на материале разножанровых текстов. Эти категории рассматриваются в контекстах, позволяющих проследить их изменения в культурно-историческом аспекте и существенно дополнить представления о славянской картине мира. Используемые исследовательским коллективом методы и подходы анализируют рассматриваемые категории в четко

¹⁶ Хёйзинга Йохан. Осень Средневековья / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 768 с, ил.

¹⁷ Категории жизни и смерти в славянской культуре. Сборник статей. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 368 с.

выделенном аспекте и дают возможность изучить множество дополнительных смысловых коннотаций, сопутствующих им.

Также и А.Л. Юрганов в монографии «Категории русской средневековой культуры» рассматривает культуру как смыслополагание человека. Он выделяет основные категории – самоосновы этого смыслополагания, которые позволяют увидеть своеобразный и неповторимый мир русского средневекового человека.¹⁸

Помимо этого, стоит отметить, что в 1991-2001 г. в Санкт-Петербурге выходил историко-философский альманах «Фигуры Танатоса»¹⁹, посвященный исследованиям таких тем, как «тема смерти в духовном опыте человечества», «искусство умирания», «кладбище».

Например, один из современных танатологов, доктор философских наук СПбГУ Т.В. Чумакова выделяет следующие типы представлений о смерти в древнерусской культуре: «представление о смерти как перевоплощении, что связано с круговой моделью времени», это представление характерно «для русской архаики», а также проявляется в фольклоре; второе представление – смерть, которая «становится лишь тончайшей мембраной между бытием и «пакибытием» – т.е. существованием в вечности, и одновременное представление, что «крестившиеся и уверовавшие причастны вечности, и смерти для них нет», это двойственное мировоззрение, которое формируется в русской культуре с конца X века в связи с крещением Руси; третья позиция – смерть, как итог жизни на земле, которая рассматривается «не сама по себе, но только как переход к смерти»; смерть, «как болезнь, тяжкий путь к излечению от зла и истреблению греха», данное представление относится к периоду второй половины XIV – XVI вв. и именно в это время «темы смерти и бессмертия заняли центральное место в культуре».²⁰ Исследователь А.Ю. Грачев в докладе «Соотношение категорий жизнь и смерть в русской

¹⁸ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. — М.: МИРОС, 1998. — 448 с.

¹⁹ Альманах «Фигуры Танатоса». Вып. 1–5. СПб, 1991–2001.

²⁰ Чумакова Т. В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа [Электронный ресурс]: URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chumakova-tv/obraz-cheloveka-v-kulture-drevney-rusi-орут-орут-filosofsko-antropologicheskogo> (дата обращения 21.03.2018).; Чумакова Т. В. Смерть и бессмертие в древнерусской культуре // Философский век. Альманах. Вып. 10. СПб., 1999.

книжной традиции XI – XV вв.»²¹ подчеркивает, что смерть в этой традиции воспринимается не как момент и мгновение, связанное с концом, а как состояние. Смерть представляется нам необратимым переходом, а также естественным следствием трудов человека в снискании добра. Отмечается, что в древнерусской традиции противостояние жизни и смерти соотносится с такими понятиями как грех и праведность.

К отражению в летописном тексте, устной и литературной традиции фактов захоронений князей обращается Е.Б. Грузнова. Автор выявляет основные особенности мифологизации мест захоронения, находит аналоги в мировом фольклоре, подчеркивает общественную значимость формирования подобных локусов, рассматривает сложную взаимосвязь образа индивидуальной могилы и сакральной коллективной усыпальницы.²²

Танатологическая тематика имеет и специфическую местную псковскую историографию, находя отражение в трудах фольклористов, этнографов и археологов.

Касаемо Псковщины хотелось бы выделить статью А.В. Калюты «Представление о душе и ее переходе в загробный мир у русских Печорского района Псковской области».²³ Данная статья посвящена изучению формирования традиционной обрядности, в частности погребально-поминальной. Автор отмечает, что в Печорском районе сохранились архаические представления о душе и загробном мире, которые тесно сплетались с церковными правилами, в свою очередь переосмысленными народным мышлением. Особенно хорошо сплав этих двух традиций просматривается в похоронно-поминальной обрядности. Основной задачей статьи является попытка выделения этих двух традиций.

²¹ Грачев А.Ю. Соотношение категорий жизнь и смерть в русской книжной традиции XI – XV вв. Доклад, прочитанный на конференции «Проблемы войны и мира во всемирноисторическом опыте», 2017 (готовится к печати, ПсковГУ, 2018).

²² Грузнова Е.Б. Могилы правителей в ранний период русской истории // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №6.

²³ Калюта А.В. Представление о душе и ее переходе в загробный мир у русских Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение северо-запада России I и II межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. СПб., 1998. С.64-66.

Далее можно выделить статью И.И. Шангиной «Обряды жизненного цикла».²⁴ Ее статья посвящена обрядам жизненного цикла населения Псковского края – обрядам, включавшим в себя действия, связанные с рождением детей, заключение брачного союза и смертью. Отмечается, что погребальная обрядность и связанный с ней комплекс представлений о жизни, смерти, предках-родителях занимали важное место в ритуально-мифологической сфере и жизни русского народа. Это объяснялось тем, что именно в этом ритуале пересекались жизнь и смерть, осознавался их глубокий смысл. Псковичи очищали, что предзнаменование могло быть дано человеку через сон или через событие реальной жизни. В псковских деревнях принято было считать, что старый человек может предвидеть приход своей смерти и подготовиться к ней. Обряд прощания с белым светом проводился особенно торжественно и рассматривался русскими крестьянами как первый акт отделения человека от мира живых. Кончина человека представлялась людям как выход души из тела и вход в него смерти. Уточняется, что погребальная обрядность была направлена на то, чтобы отправить умершего в иной мир, отделить и удалить от живых людей. Поминальная обрядность имела целью, напротив, установить связи между живыми и мертвыми, регламентировать их, сделать их полезными для живых.

В статье С.Г. Попова «Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому» о Псковском крае рассматривается вопрос о том какие изменения в погребальной обрядности, связанные с переходом от трупосожжений к труположениям, на территориях, занимаемых носителями культуры длинных курганов и культуры сопок, происходят в конце I-начале II тысячелетия по Р.Х. Отмечается то, что языческие элементы погребального обряда и поминальной обрядности сохраняются долго, поэтому процесс

²⁴ Шангина И.И. Семейный быт. Обряды жизненного цикла. // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков.: ПОИПКРО, 1998. С.236-253.

христианизации населения северо-запада продолжался достаточно длительное время и в разных микрорегионах мог протекать по-разному.²⁵

Обращаясь к истории изучения погребальных памятников Пскова и Псковской земли, следует отметить таких авторов как Н.Н. Малышева (Милютин) и ее соавторов и монографию «Древнерусский некрополь Пскова X- нач. XI в.»²⁶, где дается общая характеристика погребального обряда древнерусского курганного кладбища Пскова. Н.Н. Малышева в своей работе отмечает, что на древнерусском кладбище Пскова представлены погребения, которые были совершены по способу трупосожжения, то есть кремации и по способу трупоположения, то есть ингумации. Большинство же захоронений представлены именно первым способом, то есть обрядом трупосожжения – 88% (71 погребение). По обряду трупоположения представлена малая часть захоронений 11% (9 захоронений). Также отмечается, что захоронения могли быть как одиночными, так и парными, а также коллективными. Важную роль играет погребальный инвентарь, то есть то, что было положено рядом с умершим в захоронение. Количество и список вещей очень различны, судя по всему, тут играл роль социальный статус и пол умершего. Из вещей, найденных в захоронениях, можно выделить как орудия труда: нож или ножницы; предметы вооружения: копье, топор, наконечник стрелы; предметы украшения: бусы, браслет, височное кольцо, бляшка; предметы культа: амулет. Интересным моментом является положение тела умершего, его рук и ног. Руки могли быть вытянуты вдоль тела, либо лежать на тазе, правая или левая руки могли быть вытянуты вдоль тела. То же касается и ног, они могли быть вытянуты, подогнуты, скрещены. Из всего этого можно сделать небольшой вывод, захоронения представляют собой погребения, сделанные по языческому, но никак не христианскому обряду. Сам характер погребения по своему составу неразрывно связан с языческим комплексом верований.

²⁵ Попов С.Г, Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной псковщины)//Церковная археология. Ч.1. СПб. Псков. 1995 С.98-101.

²⁶ Малышева Н.Н. Древнерусский некрополь Пскова X- нач. XI в. // Псков в российской и европейской истории: В 2Т. Т.1. М., 2003. С.103-111.

Также и статье Н.Н. Милютиной «К изучению погребального обряда Псковского некрополя» рассматриваются данные о погребальном обряде Псковского некрополя, в частности Древнерусского курганного кладбища Пскова X-первой половины XI века, которое было открыто в 1974 году.²⁷ Как отмечает Милютина Н.Н., способ погребения был определен для всех захоронений. Погребения по способу кремации (трупосожжения) и их останки в переотложенных комплексах составляли 89% (47 погребений), ингумации (трупоположения) – около 11% (6 погребений). Уточняется процентное соотношение двух групп кремации: трупосожжения на месте совершения захоронения – 27% (8 погребений); трупосожжения на стороне – 73% (21 погребение). В данном случае это вряд ли отражает действительное положение в Псковском некрополе в целом. Оно скорее характеризует изученный участок памятника, поэтому вопрос о преобладании той или другой группы кремаций остается открытым. Статья представляет собой предварительный очерк, окончательный обзор приведен в вышеупомянутой книге «Древнерусский некрополь Пскова X–нач. XI в.».

Помимо этого, следует отметить исследования А.В. Михайлова, в т.ч. его статью «Исследования грунтовой части Залахтовского могильника: погребальный обряд и традиции».²⁸ Статья посвящена археологическим изысканиям на курганной группе у д. Залахтовье – крупнейшего курганного могильника в Восточном Причудье. Исследования проводились научной лабораторией археологии и культурного наследия Псковского государственного университета. В результате раскопок удалось получить материал, позволяющий судить об эволюции погребального обряда на финальной стадии существования могильника.

К истории более поздней и отраженной в летописях погребальной традиции моровых кладбищ обращается в своих исследованиях В.Г. Кузьмин.

²⁷ Милютина Н.Н. К изучению погребального обряда Псковского некрополя. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Псков, 1989. С.15-16.

²⁸ Михайлов А.В. Исследования грунтовой части Залахтовского могильника: погребальный обряд и традиции // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар им. акад. В.В. Седова: мат. ЛПЗ заседания (10-13 апреля 2007 г.). Псков, 2008. С. 199–208.

Он обращает характер на особую конструкцию захоронения в отличие от традиционной системы и планировки прицерковного кладбища.²⁹

В целом, даже краткий обзор позволяет убедиться в отсутствии окончательной интеграции между данными письменных, археологических и фольклорных источников, которому, не в последнюю очередь, препятствует неразработанность темы на материале летописей. По данной теме нет пока резюмирующей работы, она требует большего изучения, так остается очень много спорных или неразрешенных вопросов.

Обращаясь к историографии «живота», стоит обратить внимание на значительную работу советского и российского исследователя, лингвиста В.В. Колесова «Мир человека в Древней Руси».³⁰ В своем труде В.В. Колесов описывает историю древнерусских слов, отражающих представления восточных славян, жителей Древней Руси о мире. Автором рассмотрено большое количество лингвистических единиц и соответствующих им понятий-представлений, в этот список, несомненно входит и «живот». В.В. Колесов пишет о том, что жизнь и живот – по сути расходящиеся понятия, так жизнь употребляется по отношению к тому, кто неведественен, нематериален, то есть к духу – богу. Живот же обозначает именно земное существование, материальное – это не то, что заложено извне, а то, что единит человека с богом. Таким образом, жизнь представляется вечной жизнью, а живот противопоставлен ей, так как означает жизнь земную.

Интерес к изучению проблемы представлений о «животе» появлялся в трудах ряда исследователей древнерусской книжности. Так статья А.В. Архангельской «Прение живота и смерти» посвящена анализу одноименного произведения.³¹ Разбор «Прения...» до того был сделан филологом и исследователем русской средневековой книжности

²⁹ Кузьмин В.Г. Моровые кладбища средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2006.

³⁰ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.

³¹ Архангельская А.В. Прение живота и смерти // Литература Московской и домосковской Руси: Аналитическое пособие. М., 2008. С. 627–632.

Р.П. Дмитриевой.³² Данное произведение интересно тем, что оно представляет диалог человека, то есть «живота» и смерти. Целью данного произведения, как отмечает Р.П. Дмитриева, было стремление внушить читателю мысль о неизбежности смерти и необходимости покаяния.

Статья Л.В. Левшуна «Оппозиция жизнь/смерть в восточнославянской книжности XI-XVII вв.» рассматривает, как категории жизнь и смерть противопоставляются в развитии древнерусской книжности. Смерть, как отмечает автор, в каноническом православном мировосприятии видится только как граница между биологической смертью тела и бессмертием тела, преображенного усилиями духа.³³ Л.В. Левшун в своей статье приводит классификацию оппозиций жизни и смерти Мелетия Смотрицкого: «живот и смерть прирожен'я», «живот ласки», «живот смыслов», «живот житейский», «живот славы». Первая категория представлена как формы бытия – жизнь – в теле и смерть – вне тела. Вторая категория обозначает то, что в биологическом смысле неважно – живет человек или умирает, важно лишь то, что она живет или умирает во славу Божию. Третья категория противопоставляет плотское бытие – духовному, нравственное – безнравственному. Четвертая категория говорит о том, что благополучная жизнь есть лишь нравственная смерть, а умирание дает перерождение в «ангельский живот». Пятая категория или «живот славы» – «живот вечный» противопоставляется «смерти геены» или же «муке вечной».

В статье Л.Ф. Килиной, С.Р. Зайнуллиной «Глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом животъ: функционирование и развитие (на материале русских летописей XIII–XV вв.)»³⁴ рассмотрены многие устойчивые лексические сочетания с компонентом «живот». Проанализировав, большую часть сочетаний, авторы делают вывод о том, что компонент «живот»

³² Повести о споре жизни и смерти. Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964.

³³ Категории жизни и смерти в славянской культуре. Сборник статей. М., 2008. С. 196-210.

³⁴ Килина Л.Ф., Зайнуллина С.Р. Глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом животъ: функционирование и развитие (на материале русских летописей XIII-XV вв.) // Вестник Удмуртского университета, 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 429-435.

полностью соответствует современному «жизнь», но «жизнь вытеснило «живот» в силу своей инородности и универсальности.

Помимо древнерусской книжности, категории «жизнь» и «живот» часто встречаются в фольклоре, чему посвящена статья Т.М. Горшковой «Концепт жизнь в концептосфере русского фольклора».³⁵ Автор отмечает, что жизнь и живот в текстах русских народных сказок – оба обозначают физиологическое существование и поэтому являются синонимами. Оба понятия одинаково сочетаются – жизни лишился, живота лишит, а также живот расширяет смысл концепта жизнь благодаря тому, что также обозначает имущество: «только и живота было у Гаврилы, что корова». В ходе анализа пословиц и поговорок, Т.М. Горшкова выявила, что «живот» дополняет концепт «жизнь» шестью признаками – физиологическое существование кого-либо, период существования, образ существования, отдельное живое существо, имущество, вечное, загробное существование.

В статье Е.Л. Конявской «Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков»³⁶ рассмотрены представления русских князей о конце жизни на основе договорных грамот. Вся суть представлений русских правителей этого периода сводится к тому, что конец человеческой жизни находится в руках Божиих. Именно Господь решает, когда отнять жизнь у русского князя, поэтому одной из своих задач князь считают обозначить дальнейшее продолжение рода и взаимоотношения своего рода с родом другого князя. Автор также отмечает, что иногда размышления князей заходят за рамки договорных грамот и больше приобретают вид грамот духовных – завещаний.

О разнице и значении слов «живот» и «имѣние» в контексте имущественных отношений говорится в статье А.П. Майорова «Слова имѣние и животь как наименования имущества в древнерусском языке».³⁷ Автор статьи

³⁵ Горшкова Т.М. Концепт жизнь в концептосфере русского фольклора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 2 (2), с. 366–370.

³⁶ Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml> (дата обращения: 13.05.2020)

³⁷ Майоров А.П. Слова имѣние и животь как наименования имущества в древнерусском языке // Вестник Бурятского университета, 2017. Вып. 5. С. 10-15.

указывает, что возникшая разница между словами продиктована употреблением на Руси, по сути, двух языков – стандартного древнерусского языка и церковнославянского. Имѣние – слово церковнославянское, а живот напротив древнерусское. Таким образом имѣние означало имущество, являющееся совокупностью всех земных материальных благ, которые предоставлены человеку. В этой связи, живот – это движимое имущество, жизненно важное для владельца. Автор упоминает, что, исходя из того, что основным значением живота в XI-XVIII вв. была жизнь, прослеживается ассоциативная связь между двумя смысловыми значениями. Особенно это видно на следующем примере: «Се азъ рабъ бжиі Мосии пишу рукописаниѣ при своѣмъ животѣ а приказываю животъ свои дѣтемъ своимъ».³⁸ На данном примере из Новгородской берестяной грамоты №519 конца XIV в., можно заметить словоупотребление двух «животов» разных по смыслу.

Статья Д.А. Савченко «Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте»³⁹ рассматривает имущественные последствия различных правонарушений, впервые отраженных в данном источнике. Автор статьи отмечает, что слово «живот» обозначает в древнерусских нормативных актах «имущество». Это касается, в основном, имущественных отношений в семье – вопросов наследства. В связи с этим, в Псковской судной грамоте речь о животе идет в ряде статей, затрагивающих: поиск среди имущества умершего тех вещей, которые были ему переданы на хранение; имущество человека, работавшего на земле хозяина и имевшего перед ним долговые обязательства; порядок наследования между супругами родительского и нажитого ими имущества; имущества, которое должно передаваться по наследству, если по воле умершего оно передано другому человеку. Исходя из этого, автор делает вывод о том, что «живот» является нажитым имуществом, которое позже подлежит наследованию.

³⁸ Там же. С. 13.

³⁹ Савченко Д.А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №2 (12). С. 5-16.

Труд И.Д. Мартысевича «Псковская судная грамота»⁴⁰ посвящен разбору статей грамоты. Каждая статья сопровождается пояснительным комментарием. Грамота, согласно выводам И.Д. Мартысевича, повествует о двух типах имущества – недвижимое и движимое. Первое обозначается словом «отчина», второе «живот». исследователь указывает, что Псковская судная грамота делит «живот», то есть движимое имущество, на «животное» – скот и «назрячее», которое представлено другим различным имуществом. Весь «живот» по судной грамоте подлежит наследованию, наряду с «отчиной».

В целом, исследования на тему «живота» проводились в сопоставлении или противопоставлении со смертью, поэтому можно судить о том, что две данные категории изучались неотрывно друг друга. Таким образом «живот» нельзя было досконально исследовать, не сказав о смерти. Также и со смертью, исследуя образ и представления о ней, нельзя не сказать о жизни и жизненном пути человека.

⁴⁰ Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / Мартысевич И.Д.; Отв. ред.: Галанза П.Н. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. 208 с.

Глава II. Образы смерти и погребальные традиции древних псковичей в тексте Псковских летописей

Проанализируем упоминания о смерти, которые делают псковские авторы в текстах Псковского летописания: Псковской I летописи⁴¹, Псковской II и III летописей.⁴²

Вначале следует обратиться именно к Псковской I летописи. Анализ I летописи был произведен по материалу Тихановского, Погодинского, Оболенского, Архивского списков. Псковская II летопись представлена одним списком – Синодальным. Псковская III летопись представлена в основном Строевским и Архивским вторым списком.

Касаемо самих событий и повествования летописца, отметим, что личное отношение летописца оказало большое влияние на изложение событий в летописи. Можно заметить, что летописец не только фиксировал факт, но и выражал свое отношение к определенным ситуациям и происшествиям. Таким образом летописец отмечает как позитивные для Пскова, его населения и Руси в целом события, так и некоторые трагические, прискорбные происшествия и события, происходившие на территории Псковщины и на территории Руси.

Трагические события, которые отмечает летописец, неоднородны по своему составу и в целом их можно подразделить на несколько типов. Главным критерием выступают обстоятельства смертей, но для одного типа – первого, сделано исключение из-за обилия упоминаний и выраженной социально-политической окраски в повествовании. Первый тип, таким образом – это смерти князей. В летописном повествовании закладывается русская историческая традиция указывания лет жизни либо только дат смерти особо важных исторических личностей, преимущественно, правящих лиц. Эта традиция наследуется от византийской и в широком смысле античной традиции, где правления являются реперными точками исторического

⁴¹ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003. 256 с., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.).

⁴² Псковские летописи /Пригот. к печати А.Н. Насонов. М.; Л., 1955. Вып. 2.

повествования. Таким образом, даже в псковской истории, где в определенный период личность князя выступает второстепенной, прослеживается традиция изложения событий «по правлениям». В связи с этим события – смерти князей занимают в тексте значимое положение. К данной категории относится упоминания смертей как «великих русских князей», так и «князей псковских». Следующим типом упоминания является смерть в бою. Сюда относятся случаи смерти псковских посадников, то есть глав города, также стоит сказать, что смерть в данной категории происходит в результате пришествий и нападений на Псковскую землю немецких, польских и литовских войск. Третий тип выступает объединенным и представлен следующим образом – мор, пожар и знамение – смертность вследствие мора, то есть эпидемий, бушевавших заболеваний на Псковщине, а также смертность в результате пожаров, вспыхивавших в городе и знамение, таковым выступал гром и молния, что зачастую приводило к пожару. Четвертый тип – голод, который был не редкостью в средневековой Руси.⁴³

2.1. Смерти князей

Обращаясь к первому типу смертей – смерти князей, следует сразу отметить, что, так как Псковская I летопись начинается с отрывка «Повести временных лет»⁴⁴, в ней указываются даты смерти и присутствует само упоминание смерти не только князей псковских, но и великорусских князей. Также присутствуют упоминания смерти некоторых других правителей, по мнению летописца, связанных с судьбой Руси и оказавших на нее влияние. Обратимся к списку имен, чья смерть упоминается в летописи: Рюрик (6387 от Сотворения мира), Аскольд и Дир (6388), Олег (6419), Игорь (6453), Ольга (6477), Ярополк (6480), Рогволод (6488), Владимир (6523), Борис и Глеб (6523), князь псковский Довмонт (6807), князь псковский Юрий (6851).

⁴³ Приложение №1.

⁴⁴ Повесть временных лет [Текст] / Акад. наук СССР ; подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова ; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. - Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. - 22 см. - (Литературные памятники). Ч. 1: Текст и перевод. - 1950. - 404, [1] с., [48] л. ил.

Просматривая этот перечень, следует заострить внимание именно на князьях псковских. Это следует сделать потому, так как в повествовании упор идет именно на Псковщину, а, следовательно, смерти псковских князей уделено внимание существенно больше внимания. Летописец при указании на их смерть пишет, что население Псковской земли тяжело переживало кончину своих князей.

Конкретно о Довмонте: «В лето 6807(1299). Бысть знамение в луне, месяца сентября во 8 день. Тое же зимы, изгониша Немцы ратию посад оу Пскова, месяца марта в 4 день; избиша черновцы и черниы и оубогия и жены и малыя дети и малыя дети, а мужин бог оублюде. И на оутрия же день приступиша ко граду, хотяще град Псков пленити, а князя Довмонта руками няти. Довмонт же князь выехав со Иваном Дорогомилловичем и с мужи псковичи, и с помощью святыя троица воополчившееся и оударишася на безбожных Немцев и победиша я оу святого Петра и Павла на брезь: овы избиша, а иныя поимаша живы, прочия вскорь оустримишася на берег. Тогда же мор бяше на людех. Тогда же и благоверный князь Довмонт преставися месяца мая 20 день, и плакахуся его много псковичи, и положиша его в дому святыя Троица»⁴⁵. Через этот отрывок можно проследить, что смерть Довмонта не просто описана, а снабжена рассказом, который позволяет отдать должное доблести и военному успеху Довмонта и его дружины. Поэтому далее можно увидеть, что псковичи очень тяжело и долго переживают его кончину. Возможно, таким образом, что в эту строки летописец также решил заложить свои собственные переживания, показывая таким образом, что он неравнодушен к произошедшему.

Далее отрывок о князе Юрии: «В лето 6851(1343). ...внезапу пригнаша Немцы к Изборску ратью о полоудни, а князь Юрий еще бяше во Изборске, и выеха князь Юрий против них, также псковичи и изборяне выидоша пеши против Немцев. И на первом стоупь оубиша князя Юрия, и друого Юрия Омачина брата, и иных многих людей изборяне; бысть же тогда во Пскове

⁴⁵ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 16.

скорбь и печаль велика; и проводиша князя все поповство, положиша и во святых Троица»⁴⁶. Если смерти Довмонта предшествует столкновение с немцами, то в данном случае князь умирает непосредственно в ходе столкновения, битвы. Из этого отрывка также можно выяснить, что князь умирает: «...на первом стоупь...», под этим подразумевается первый подступ противника, в данном случае, немцев, к крепости, в нашем случае – Изборской. Из этого следует, что князь умирает в ходе обороны крепости и занимает не пассивное место в обороне, а должно быть, выступает в первых рядах защитников крепости. И снова мы видим, что переживали известие в Пскове о смерти князя очень тяжело, поэтому можно опять предположить, что летописец, таким образом, выражает также и свое мнение.

Следует выделить также очень интересный момент, в ходе повествования можно заметить имя Константина – римского императора: «Умре же царь Константин лет 65, остави же три сыны Косту и Константина и Костянта: в Риме оубо Константина, а в Новом Риме, а во Антиохии же Костянта»⁴⁷. Причины такого упоминания могут быть различны. Возможно, таким образом, летописец продолжает опись событий в начатом им хронографе от Адама до потопа и до крещения Руси. Упоминание Константина в этой связи употреблено, так как именно Константин сделал христианство государственной и доминирующей религией на территории Римской империи. Также благодаря этому упоминанию, можно полагать, что летописец при написании опирался на византийское летописание, а именно «Византийские малые хроники». Собственно, это представляется реальным, потому что прослеживается связь византийского и русского летописания. Стоит также отметить, что данный отрывок является частью фрагмента «Повести временных лет» в Псковской летописи.

В тексте Псковской II летописи, смерти князей не уделяется столь особого внимания, их смерть выступает как факт и представлена только словом –

⁴⁶ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 8.

«преставися». Этот контраст изложения позволяет по-новому оценить многословие Псковской I летописи. То же происходит не только с рассказами о смерти князей, но и посадников. Первый случай смерти в Псковской II летописи связан с начавшимся мором: «В лето 6868. Бысть во Пскове друуги мор лют зело; бяше бо тогда се знамение: егда кому где выложится жолоза, то вскорь оумираше; мнози же оумирахоу тою болезнию, и много время той смерти належащи на людех. Тогда же и Оставии князь преставися и два сына его, Карп и Алексии»⁴⁸. Второй случай посвящен великому князю московскому Дмитрию Донскому: «В лето 6897. Преставися на Москве князь великии Дмитрий»⁴⁹. Другие отрывки: «В лето 6909. Тоя же зимы преставися посадник псковскыи Захариа Костроминич: и положиша мощи его в церкви святого Рожества, месяца марта в 20 день, 2 недели до велика дни»⁵⁰; «В лето 6927. Влыдыка Семеон приеха в Псков, октября в 16, и пребыв во Пскове 3 недели, отъеха не зборовавъ, а пскович дети своих всех благословивъ. Тогда при владыце преставися Роман посадник. А на зиму в субботу мясопустную преставися Ларион посадник»⁵¹; «В лето 6936. ...Тоя же зимы преставися посадник псковскыи Феодор Шибалкинич»⁵². Можно заметить и случай знамения, о чем речь пойдет далее, также мы видим отсутствие скорби и плача среди населения.

Смерть князей выступает начальной и обособленной категорией, так как их смерти и их жизни посвящено большее количество текста. Упомянув смерть князей, летописец фиксирует финальную точку их жизни, представляя ее более значимой, чем жизнь рядового псковича. Таким образом, летописец отдавал дань уважения личности князей и их смерти, указывая на то, что смерть их переживалась долго и сильно, не только членами их семей, а всем городом. Сопереживание со стороны автора, дает понимание того, что такая смерть – смерть трагическая и является таковой для всего населения.

⁴⁸ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 27.

⁴⁹ Там же. С. 29.

⁵⁰ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 31.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Там же. С. 42.

2.2. Смерть в бою

Смерть от меча на поле боя в литературе представляется смертью доблестной и храброй, но в исторических реалиях всё выглядит иначе, так как чаще смерть наступает отнюдь не воинов, а простых жителей города и деревень. Несмотря на это, верхушка города также участвует в битве. Смерть в этой категории связана с пришествием на Псковщину иноземных захватчиков, в основном, немцев.

Первый отрывок гласит о смерти псковского посадника в ходе битвы: «В лето 6738(1230). ...и сступишася Немцы и бысть бои и сеча велика; на первом ссутпь оубиша Немцы Кюра Костинича и Кормана посадника, Онтонна сына Ильина и иных многих мужии пскович». Смерть в данном случае, снова наступает в ходе столкновения, возможно обороны крепости, о чем можно судить по предложению: «на первом ссутпь»⁵³. Из чего опять же можно предположить, что посадники, как и князья, выполняли функцию не только командиров на поле брани, но и сам непосредственно участвовали в бою.

О смерти посадников в столкновении с захватчиками свидетельствуют также отрывки: «В лето 6831(1323). По томь бяше за 8 недель, месяца мая в 11 день, приидоша Немцы к Пскову, загородившеся в силе тяжце без бога, хотяще пленити дом святыя Троица; приехаша в кораблях и лодиях и на конях, с пороки из городы и со иными многими замышелнии. Тогда же оубиша посадника Солила Олексинича»⁵⁴; «В лето 6915(1407). ...а они погани бяхуть ополчилися; и оударашася на них псковичи, се бо бысть божие непособие за оумножение грехов наиших, и показаша псковичи плещи своя и побегоша; и оубиша на первом ссутпь Еленьгия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и иных болярь много и сельских людеи много избиша, а всех числом яко до седмисоть голов, а немецких князеи и болярь избиша много, не толко колко пскович пало, но и боле, и конеи немецких великих много приведоша во Псков»⁵⁵; «В лето 7009(1501). ...и князь псковской и с посадниками

⁵³ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 12.

⁵⁴ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 29.

псковскими и воеводы великих князей и соступишася первое с Немцы, и напустиша боуртальники немецки ветер на псковскую силу и на московскую силу, и пыль из пушек и из пищалеи. И бысть пособие божие псковичам, и убиша на первом сстоупе Ивана Теншина посадника псковского, и побегоша первое псковичи, и они погании наверноуша на московскую силу пушками и пищальями, и бысть туча велика, грозна и страшна от стукоу пушечного и пищального; и по том москвичи побегоша, и бежачи пометаша своя быта; и изборяне выскоча из Изборска городка, как они бежали мимо городок и грабиша то быто московское и псковское изборяне. И бысть во Пскове плач и рыдание; а Немцы не гонилися»⁵⁶.

Приводит летописец и отличный от остальных отрывок: «В лето 6992(1484). ...а посадников из заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь вложили на сенях, со князем Ярославом, а Псков того не выдает. Того же лета посадника оубиша Гаврила, месяца июня в 13; а оубиша его всем Псковом на вече»⁵⁷. Отрывок представляет интерес, потому что в нём смерть наступает не результате битвы, а как наказание, казнь. Из этого следует, что тех, кто был действительно негоден и совершал различные проступки и преступления, могли казнить на общем собрании – псковском вече. Данный случай можно назвать уникальным – смерть показательная, в назидание другим.

Категория смертности в результате нашествий на Псковщину иноземных захватчиков: немцев, поляков и литовцев, примечательна тем, что здесь смерть наступает всегда в результате боевых столкновений, грабежей и разорений Псковской земли, осады Пскова и других городов. Умирают не только князья, посадники и их войска, как было указано выше, но и мирное население городов: «В лето 7010-е (1502). Отметник правья веры местер с Немцы и со многим замышлением своим и начаша бити пушками городок Остров и огненные стрелы пуцати, месяца сентября в 7 день, и плениша дом святого

⁵⁶ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 84-85.

⁵⁷ Там же. С. 78.

Николы, городок взяше и огнем выжегоша, и людеи плениша, иных мечу придаша, а иных огнем сожгоша, и жен и детеи»⁵⁸.

В отрывках данной категории обычно приводятся сведения о количестве убитых: «В лето 6748. Избиша Немцы пскович под Изборском 600 муж, месяца сентября в 16 день. И по семь пришедше Немцы и взяша град Псков, и седоша Немцы в Псков два лета»⁵⁹; «В лето 6849(1341). Месяца сентября в 9 день, оубиша Немцы в Лотыголь на селе на Опочень, псковских пословь пять мужь, Михаила Любиновича и с нимь дружину его на миру; ... и оубиша о князи Юрии изборянь и пскович 60 муж...»⁶⁰; «В лето 6915(1407). ...и оубиша Немець 20 мужь, а 7 живых рукама яща, помощью святыя троица; ...и оубиша Немець 300 и 15 мужь, а пскович оубиша 34»⁶¹.

Особую роль в летописных статьях этих лет летописец отдает князю Александру Невскому, освобождению им Псковщины. В представлении летописца, Александр – спаситель, который послан с небес Богом и призван, чтобы освободить русскую землю от безбожных, как отмечает летописец, немцев: «В лето 6750(1242). Пришед князь Александрь и изби Немець во градь Псковь и градь Псковь избави от безбожных Немець, помощью святыя троица. И бишася с ними на леду; и пособи бог князю Александру и мужем новгородцем и псковичам; овы изби и овы связав босы поведе по леду. Сии бои бысть месяца апреля в 1 день; и бысть во град Псков радость велия»⁶².

О пришествиях и столкновениях псковичей с иноземными захватчиками в Псковской II и III летописях нет существенно отличающихся от Псковской I летописи сведений, тексты восходят к общему протографу без дополнений.

Смерть в бою связана в первую очередь с потерями как среди войска, так и населения. Летописец указывает количество потерь с обеих сторон. При этом, упор в повествовании, несомненно, делается на смерти псковичей. Скорбь

⁵⁸ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 86.

⁵⁹ Там же. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 20.

⁶¹ Там же. С. 29.

⁶² Там же. С. 15.

горожан и летописца после таких набегов и сражений, опустошающих деревни и сокращающих население городов – особенно велика.

2.3. Мор, пожар, знамение

Третий тип сюжетов – смертность вследствие мора и пожаров. В этих летописных рассказах велика роль «знамений», как в значении признаков (симптомов) болезни, так и её предвестников (чаще всего, астрономических явлений). Стоит сразу отметить, что по рассказам псковских летописей в результате мора, то есть эпидемии, достигается высочайший уровень смертности. Также проанализировав данную категорию, можно сделать вывод о том, что мор возникает с определенной периодичностью, эпидемии цикличны и повторяются спустя 15-20 лет.

Можно судить о том, что умирало население в ходе бушевавших эпидемий обычно на третий день от болезни – «железы». О чем можно сказать по следующим отрывкам: «В лето 6860(1352). Бысть морь зол во градъ Псковь и по селом смерти мнозь належащи; мряху бо люди, моужи и жены, старья и младья и малья детки и попове и ченьцы и черницы. Бяше бо тогда знамение смертное сице: аще кто отхарнет кровью, то на другыи день или на 3-и оумирает»⁶³; «В лето 6868(1360). Бысть въ Плесковь вторыи морь лют зло; бяше бо тогда се знамение: кгда комоу где выложится железа, то вскорь оумирахоу мнози тою болезнью, много же время той смерти надлежащи на людях»⁶⁴; «В лето 6914(1406). На осень бысть морь велик зло во градъ Псковь и прогородом и по всей области: мряху же мужи и жены и малья дети железюю»⁶⁵; «В лето 6971(1466). Того же лета бысть мор во Пскове: мряхоу моужи и жены и малья дети, и по прогородам и волостем; а все то мряхоу железюю»⁶⁶; «В лето 6975(1467). Того же лета начаша во Псковь опять мерети тою же знадъбою

⁶³ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 23.

⁶⁴ Там же. С. 24-25.

⁶⁵ Там же. С. 28.

⁶⁶ Там же. С. 62.

железою, и мроша от Семеня дни до Рожества Христова. Бысть же тот морь по два году с одного»⁶⁷.

Также имеются сведения о том как хоронили умерших больных, а хоронили их по несколько человек в одну могилу или гроб, причем клали как взрослых мужчин и женщин, так и детей. Что еще раз подтверждает то, что вследствие мора смертность была очень высока среди всего населения. Отрывки, которые об этом свидетельствуют: «В лето 6839(1341). ... мряхут бо старья и младья дети; не бяше бо где их погребали все бо могиле воскопано бяше по всем церквам; а где место всь скоплють или мужу или жене и ту с ним сложить малых детеи 7 и 8 во единь гробь»⁶⁸; «В лето 6898(1390). За умножение грехов наших бысть морь во градъ Псковь: мряху бо старья и младья мужи и жены и малья дети; идь же выкопаша адиному гробь, ту пятеро или десятеро вложиша во единь гробь»⁶⁹; «В лето 6912(1404). ... бысть морь во Псковь, почаше мрети с спасова дня, мряхуть первое малья дети, по томь старья и младья мужескъ пол и женскъ; а пришол бяше тот морь из Немецкой земли, из Юриева»⁷⁰; «В лето 6951(1443). Преста морь во Псковь на Дмитриев день на осень, а по прогородом и по волостемь еще мерло и до Крещения господня»⁷¹; «В лето 6971(1463). Того же лета на осень, посла богъ казнь на граж и на люди, за оумножение грехов наших: бысть морь великьзло во радь Псковь и по всеи области града Пскова; начаша мерети месяца сентября, и бысть семь напорь, много падоша християнь в рожественное говение, мряху бь мужи и жены и малья дети, полагаху бо во едину яму по пяти и по десяти, в ао всех концах на посадь скудельницы ископаша, а полагаху мертвыя а мроша сице: аще оу кого явится желеха, тот на другии или третии день оумираще»⁷²; «Мор новгородцкои. В лето 6986(1478). По войне великого князя, тоя же зиме, бысть мор в Великом Новгороде: мряхоуть бо мужи и жены и малья дети, выкопать

⁶⁷ Там же. С. 75

⁶⁸ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 19-20.

⁶⁹ Там же. С. 26.

⁷⁰ Там же. 27

⁷¹ Там же. С. 46.

⁷² Там же. С. 62.

яму одну, и в тоу яму 2 или 3 или 10»⁷³; «В лето 6995(1487). ...бысть мор во Пскове: мряхоу моужи и жены и малыя дети по пригородом и по волостем»⁷⁴; «В лето 7014(1506). Мор безымяной. ... мряхоу бо людии много»⁷⁵; «Лета 7100(1592). Бысть во Пскове мор велик язвою, а почало мереть с весны и до осени, и в тот мор емпископ Михаил преставися»⁷⁶. С описанными санитарными захоронениями ученые предположительно связывают ряд находок псковских археологов (Петровский II раскоп, скудельница при церкви Иоанна Милостивого и др.).⁷⁷

Касаемо пожаров, стоит обратить внимание на отсутствие традиции указывать, сколько человек погибло при пожаре. Приводимые сведения скорее указывают на топографию временного запустения. Летописец обращает внимание на то, что погорело или же какая часть Пскова сгорела. О чем можно судить по следующим отрывкам: «В лето 6844(1336). ...бысть пожарь великъ во Псковь: загорелоя в ночь от Городца от Воронца и погорь Застениевсе, а детинца богь оублюде»⁷⁸; «В лето 6958(1449). Посла богь казнь за оумножение грехов наших погорель вест Псковь»⁷⁹; «В лето 6974(1466). ...посла богь казнь н град Псковь: загорелоя на Оусось оу старои стени въ Бараусовь двор и погорь весь Псковь и церкви священныя; ... выгорь весь град, месяца октября в 20 день, на память святого великого мученика Артемия»⁸⁰; «В лето 7008(1500). По том посла казнь богь за оумножение грехов ради наших: погорь Запсковье, месяца октября в 6 день, святого апостола Фомы»⁸¹; «В лето 7029(1521). Погоре Запсковье от Жиркова восхода до Варлаамских ворот, сентября в 4, и церковь

⁷³ Там же. С. 74.

⁷⁴ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 81.

⁷⁵ Там же. С. 91.

⁷⁶ Там же. С. 114.

⁷⁷ Седов В.В., Александров А.А., Белецкий С.В., Волочкова О.К., Ершова Т.Е., Закурина Т.Ю., Кильдюшевский В.И., Колосова И.О., Лабутина И.К., Плоткин К.М., Сергина Т.В., Харлашов Б.Н. Археологические раскопки в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1987; Ершова Т.Е. Скудельница средневекового Пскова по материалам раскопок 1985–1986 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. Псков, 1987; Кузьмин В.Г. Моровые кладбища средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2006.

⁷⁸ Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 19.

⁷⁹ Там же. С. 50.

⁸⁰ Там же. С. 71.

⁸¹ Там же. С. 84.

огоре Варлам святыи»⁸²; «Лета 7117(1609). Маия в 15 день грех ради наших, учинился пожар во Пскове в Полониском концы у Красного креста, и весь град выгорел, и живона начальная Троица в Кремю и с чудотворынми образами и с кузнию, и с книгами, и с ризами, и со всею лепотою церковною, и государева казна зелье и наряд, и вырвало кремскую стену на Великую реку и на Пскову по шестидесят сажень на обе реке, и много людеи прибило камением, и иные в церквах погорели люди, разве не погорели ль три монастыри во граде: Козьма и Дамьян на Гримячие горы, да Никола в Песках, да Козьма и Дамьян на Утопленниках, да на Проломе не много храмов»⁸³. В последнем отрывке мы можем видеть, что люди гибли во время самого пожара, о чем говорит: «иные в церквах погорели люди». Также в отрывке говорится о том, что в результате обрушения стены, погибло тоже много людей, их прибило камнями. Явление пожаров также в целом очень частое в городе Пскове наряду с мором.

Касаемо мора и пожаров, Псковская II летопись дает больше сведений: «В лето 6912. ...Того же лета бысть мор во Пскове: с спасова дни начаша прежде мрети малыя детки и по томъ старыя и младыя, мужи и жены; аще кому где явится знадба, та на другыи день или на 3 оумираше; а прищол тот мор из Юрьева от Немец»⁸⁴; «В лето 6928. ...И по том не на дльзе времени от спасова дни начаша в Пскове и по всем волостем мрети малыя детки, и по том юноша и девы и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и бысть мор велик зело, и мнози тогда мужи и жены прияша аггельский образ мнишьский. Тогда пострижеса в болезни князь Феодоръ Александровичъ и отъеха на Москву. Тогда посадники псковския и весь Псков начаша искати священного места, где была первыя церковь святыи Власеи, а на том месте, стояше двор Артемьев Воротове, и псковичи давшие ему сребро и, спрятавшие двор, обретоша престол. И на том месте в един день поставиша церковь во имя святого всемилостиваго спаса, и освящаша и литургию свершиша, месяцы септевриа 14, на Воздвижение честного креста. И мряху тогда жолозою от спасова дни и до Крещения

⁸² Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 101.

⁸³ Там же. С. 114.

⁸⁴ Там же. С. 31.

господня; и тако милостию божиею преста мор; а пришло от Немец из Юрьева»⁸⁵; «В лето 6974. ...Того же лета бысть мор в Пскове и по всем волостем, и помолившеся богу поставиша в един день церковь заветную во имя преподобного отца Варлама, и в ти день и литургию свершиша священники»⁸⁶. По данным отрывков мы видим, что по начала эпидемии первыми умирали дети, что на самом деле логично, так как они слабее и более других подвержены различным заболеваниям. Также по первому отрывку можно увидеть, что заболевший умирает обычно на 3 день или чуть позже, видимо это значит, что болезнь прогрессирует за 3 дня до своего максимального состояния. Помимо этого, видно, что эпидемия занесена Немцами из Юрьева, что тоже логично ввиду их частых набегов на Псковщину. Касаемо второго и третьего отрывков можно сказать, что в результате эпидемии, многие мужчины и женщины решили уйти от мирской жизни в монастырь. То же решил сделать и князь Федор, постричься в монахи. Интересно, что в желании остановить мор, было решено построить новую церковь, а также совершать в ней богослужение, что, по мнению летописца должно было умиловать Бога.

Также примечателен следующий отрывок: «В лето 6933. ...Того же лета с Ильина дни бысть мор в Пскове и по пргородом, и по всей волости псковской, и в Новгороде, и по всей волости их, а вси мряху единою болезнию жолозою, и мряху от Ильина дни и до Крещения господня; и тако преста мор. А князь Федоса Патрикиевич того мору оубоявся, поеха изо Пскова со всею челядью своею на Москвоу, августа в 22, а был во Пскове год и 2 месяца; обаче и тамо смерти не оубежа: не по мнози времени оумре на Москве»⁸⁷. Во-первых, мы видим, что эпидемия могла затрагивать не только Псковскую землю, но и земли Новгородские и сам Новгород. Во-вторых, можно наблюдать интересный момент, как князь псковский побоялся бушующей в Пскове эпидемии и решил покинуть его, уехав в Москву, но и там он не сумел спрятаться от смерти.

⁸⁵ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 37.

⁸⁶ Там же. С. 161.

⁸⁷ Там же. С. 40.

О пожаре: «В лето 6940. ...Того же лета, месяца мая в 3, бысть туча темна и грозна и дождь силен и гром страшен молния блисташе бес престани. А на Снетной горе в монастыри в тьи час пояхоу старци вечернюю, и от блистания молнии исполнися церковь пламени, и черньци вси падоша ниць от страха пламени того, и не ополени единь; а иконы позлащеныа вси потемнеша»⁸⁸; «В лето 6966. Погоре все Запсковье от церкви святого Богоявления и до монастыря святого Воскресения, и церковь святого Козмы и Дамиана згорь: и загорелся от Якова о Железова из Мощоной оулицы. ...Того же лета от грому згорѣ церковь святое Воскресение на Полоници, а иконы и книги выносили»⁸⁹; «В лето 6974. Богоу попустившию грех ради наших, погоре весь Псков, а загорелося влягоми октября 18, на Лукин день. А тогда в Пскове был владыка Иона и в пожар выехал на Снетную гору. Того же лета в Петрово говение погоре Полонище, а загорелося в Кузнецкой оулицы, и погоре от Лузских ворот и до Рожества святого на Поли, а горело ночь да пол дни»⁹⁰; «В лето 6986. Богоу попустившиу грех ради наших, погоре весь Псков октября в 10, а загорелося от Сысовых ворот, от Федора Дмитрова, а загорелося влягоми, горе ночь и весь день»⁹¹. По первому и второму отрывку мы можем видеть, что зачинателями пожара становятся не только люди, но и сама погода, в данном случае молния, ударившая в церковь. О человеческих жертвах сведений снова нет.

Псковская III летопись отличается некой эмоциональностью со стороны летописца, он как бы сам описывает свои чувства при происшествии тех или иных событий. Так как содержание очень похоже, упоминание смертей часто повторяется, но можно выделить несколько интересных моментов.

Очень подробное описание эпидемии также представлено в данной летописной статье: «В лето 6856. ...В тоже время слыти нача мор на людех и дальних странах по земли. Яко же изволися человеклюбцу богу, о своей твари на всяко время промышляя, родоу человеческому и полезнаа даруа; нашего

⁸⁸ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 43.

⁸⁹ Там же. С. 143.

⁹⁰ Там же. С. 161.

⁹¹ Там же. С. 210.

хотя покаания, и беды всякыя наводитъ: или глад, или рать, или болезни или мор, напасти и скорби; тем же казя, обращает ны к собѣ богу, и казни посылает временныя, разумити нам веля теми вечныя муки гонзнути, аще раскаявшесе воспятъ паки возвратимся от злых согрешении своих на праведное житие; в немъ же ны бог велитъ жити всегда»⁹². Отрывок примечателен тем, что летописец рассуждает о том, почему бог насылает напасти на род человеческий. Летописец пишет, что всеми невзгодами, которые бог посылает на них, он пытается обратить людей к себе, перестать творить зло и перейти от злых согрешений к праведному житию, ибо только в праведном житии бог велит жить людям.

Автор не стесняется рассуждать и поэтому из его рассуждений можно выделить много интересных нам сведений. Например, данный отрывок отличается от более краткого повествования ПІЛ (ср. на стр. 30): «В лето 6860(1352). Бысть мор зол в граде Пскове и по селом, смерти мнози и належаци; мряхоу бо люди, мужи и жены, старыя и младыя и малыя детки, и попов, и черноризци и черноризици. Бяше же тогда знамение смертное сице: аще кто отхракнет кровью, то на 2 день или на 3 оумираше, то вскорѣ помышляше о своем животе и о души; да сего ради мнози идяху в монастыри, моужи или жены, постризахоуся в мнишеский чинь, аггельскому образу сподобляхоуся, тела крови христове причастившесе; тако в добре исповедании престаляхоуся от сея временныя жизни на они вечный свет к богу, душа своя предаша в руци пришедшим по них аггелом, а телеса своа гробу. Друзии же в миру в домах своих так же готовляхоуся на душевный исход, о душах своих печалующе, имениа своа отдающе в милостиноу церквам и монастырем, попом, отцем духовным и ницим, и маломощныя, оубогыя кормяще, напаяюще и милостынею оучрежающе; слепец помилован, то вож бывает в царствие божие, аще ныне о стены разбивается и в ямы впадает. Они бо от богатства села данахоу святым церквам или монастырем, друзии же во озере ловища и исады или иноа что от имени своих, тем себе хоте имети память вечную, по

⁹² Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 98.

писаному; милостынею и верою очищаются грехи; тако очищающаяся душа своа от грехи покаанием и слезами, преставляхоуся от сего света на они покои. И се бяше то тогда: попове бо не можаху бо проводити по единомуу из дворов, за множество оумирающих не оуспевати бо, но веляхоу комоу же своа мертвыа на церковныа дворы провадити; об ноц бо оумерших оутре обретеса до 30 или и боле скопится оу единой церкви, всем тем един провод, отпевахоу надгробную песнь, токмо душевную молитвоу раздрешеную комуждо особе измолвяхоуть, или моужу или жене или детем, тако полагахоу по троа или по пяти голов в один гроб. Тако же бяше по всем церквам, и негде оуже бяше погребати оумерших, все бо по могилье воскопано бяше, и подале от церкви и оприч могила на целых местех, воскопавше, погребяхоу. Тогда бяше много плача зело и люто крычания с горким рыданием; кто же плакаше своих мертвецех: родители по чадах своих, а чада по родителех своих, и братья по братьи своеи, и друзи про друзях, и жены по моужех своих, и сердоболи по сродницех своих, прочии бо вси палкахоуся о душах своих».⁹³

По данному отрывку мы можем наблюдать, что под страхом смерти от болезни люди принимали пострижение в монастырь, дабы уподобиться ангельскому образу, отдавая им свою душу. Такое всеобщее беспокойство о душе на фоне бушующей эпидемии, вызвало раздачу милостыни, и имущества со стороны видимо более зажиточных жителей – церкви, нищим и малоимущим жителям. Делалось это, как отмечает летописец, с целью оставить о себе добрую память. Летописец пишет, что только таким образом можно очиститься от грехов, то есть милостынею и верой, покаянием и слезами. Также интересен факт того, что по данному описанию мы можем воссоздать православный погребальный обряд. То есть священник перед погребением совершает чин отпевания над телами умерших, тем самым проводит богослужение, молясь об упокоении душ умерших. Более конкретных сведений о ритуале мы не наблюдаем, но и эти сведения уникальны. Так как этот отрывок посвящен мору, мы не можем полностью полагать, что процессия выглядит всегда одинаково

⁹³ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 100.

для всех. Возможно, при смерти князя или посадника, или какого-нибудь зажиточного горожанина погребальный обряд производился с гораздо большей пышностью, более длительно.

Обращаясь снова к теме эпидемии, летописец в некоторых фрагментах дает количественные сведения об умерших: «Лета 7060-го. Бысть мор велик в граде Пскове и по волостем: с седьмаго четверга октября до седьмаго числа положиша в скудельницу 4 тысячи 8 сот и покопаша, и после того в месяц и в три дни, ноябра до 9-го числа, положиша в новоую скудельницу 2000 и семь сот и покопаша. Мряхоу бо многие священницы и дьяконы, младые, а старыя бог облудаше, мнози тогда священницы обовдовеша, мроша тогда многие простыя люди железою. Бысть во граде плач, неоутешимыи, отцы плакаша по детех, а дети по отцах и по матерех, а матери по чадах, жены же по мужах своих, а моужи по женах своих; и в год положили оу скудельницах поль третьяцать тысяч (25 000), а по буюм не вемь колко числом»⁹⁴. Можно наблюдать огромное количество умерших во время эпидемии, а также можно увидеть, что, естественно, умирали не только простые люди, то есть население в целом, но и священники, дьяконы.

В попытке объяснить явления мора или войны, летописец указывает на «предзнаменование» или «знамение», которым зачастую выступает природное или погодное явление. К примеру: «В лето 6995(1487). Бысть во Пскове град великъ над градом, какъ садовое яблоко, ис тучи молния блистания, а взялися тучи с озера; да на Кромюу костер загорелся против Лубянского всхода, что снять блюли собакам на ядь, месяцы апреля в 27; да на Камни животины много побило; а все то за оумножение грехов наших. Того же лета бысть мор во Пскове»⁹⁵; «В лето 7028(1520). Явися на небеси звезда хвостата; а сия бо знаменна являетца не на добро, но на зло, или на мор, или на развращение, или на гладь»⁹⁶; «В лето 7048(1540). Бысть осень дождлива вельми, не дало солнцю просияти и до заговенна Филипова за две недели, и яровой хлеб на полех и на

⁹⁴ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 232.

⁹⁵ Там же. С. 223.

⁹⁶ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 226.

гоумнех изгнил; а зима была снежна, а весна была студена, и воа велика и через лето, и рожь е родилася, вызябла с весны, и пожни по обозерью и по рекам поотнялися. Того же лета, месяца апреля в 7, по велице дни на другой недели в средоу, бысть знамение: солнца дни часа до втораго; а все то за умножение грех ради наших, только милосердый господь бог милостив до своего создания, и тои зиме повезоша всякий хлеб во Псков ото всех стран»⁹⁷; «В лето 7088(1580). Божиим попущением, грехи ради наших, прииде польской и литовской король Степан Обатурь со множеством воинов под славный град Псков»⁹⁸. В связи с этим можно предположить, что знамению, то есть космическим, погодным явлениям, отводится довольно важная роль в трактовке и объяснении событий и явлений. И почти всегда знамение предупреждает, по мнению летописца, о скорых бедствиях и приближающемся зле.

Касаемо вины погодных явлений в смерти псковичей в целом, можно выделить несколько моментов: «В лето 6967. ...Того же лета бысть знамение: от грому, оу Вельи, в монастыри святого Спаса, вноутрь церкви, от огня громнаго попалело, и пономаря в церкви до смерти зашибло»⁹⁹; «В лето 6978. ...Того же лета мсяца июня 24 день, по вечерне, и пред вечером, в само рожества Ивана Предотечя бысть чюдо дива исполнено: вшедши тоуча дождевая и двигноушася облаци, и бысть крохот, гром с молнею силен, яко же всем быти и велице оужасе и в страсе человеком; и тем громо на Званице оу Коровьи грядници 7 человек молниею попали, и бысть тма силна и дождь прапроудою неисказаемоу силен, яко с полтора часу, и по том бысть к вечероу дал бог тихо и опять света исполнено, яко же и в прочаа дни; а тех человек 7-ми, которых молния опалила, 4 человеки отволочили, а три человеки таки до смерти заразило, а инии в грядници котори ни были, а тии вси добри здорови»¹⁰⁰; «В лето 7068. ...Месяца июля бысть во Пскове тоуча велика с громом и с молниею, и оубило на Завеличьи стрелка громом от воиских»¹⁰¹. Тут

⁹⁷ Там же. С. 229.

⁹⁸ Там же. С. 262.

⁹⁹ Там же. С. 144.

¹⁰⁰ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 168.

¹⁰¹ Там же. С. 238.

мы можем видеть, что молния попадала не только в строения, но и в людей, судя по всему, это было довольно частое явление. Также этому придается некий религиозный оттенок, так как летописец называет появление грома и молнии знаменем.

2.4. Голод

Летописные рассказы о голоде – особый тип сюжетов, голодная смерть выходит на первый план особенно во время бедствий на Псковщине. Представлена она в следующих отрывках Псковской II летописи: «В лето 6930. За оумножение грех наших, богу попустившю, на всю Рускую землю бысть глад великъ по 3 годы: и прежде в Новгород и по всеми их волостем, и на Москве и по всей Московской, и по всей Тверской. И толми бысть тамо дорог хлеб, яко на едином ковризе дати полтына, али каково портище, а ржи наша четверетка, чего кто запросил, а инии с оусердием даваху, а ежи бы где зобница купити ржи или овса, таковых мало обретаху; и мнози а глада мряху. А в Псков тогда бяше старых лет клети всякого обилиа изнасыпани на Кромю; и поидоша ко Пскову новгородци, Корела, Чюдь, Вожани, и тферичи, и москвичи, и просто рещи со всей Руской земли, и бысть нахождение их во Пскове много множество. И начаша, по волостем и по пригородом и в Псков коупяще рожь, возити за рубеж; и в Псков тогда бяше зобница ржи по 70 ногат, а жита зобница по 50 ногат, а овса по 30 ногат, а на полтыну ржи поль третьи зобници. И оттоле псковичи заповедаша не продавати за рубеж ржи и никакова обилья. А нахожих людии начаша изо пскова провадити и изо всех волостей, и тако мнози разыдошася; а котории остались во Пскове и по волости, мужи и жены и малии дети, тех множество изомроша., накладоша тех пустотных в Пскове 4 скудельници, а по пригородом и по волостем или по могылем в гробах покопано, то тем и числа несть. И б тот глад по 3 года»¹⁰². По отрывку, можно сказать о том, что голод тоже был нередким явлением, для умерших, как и во время мора, так и во время голода вскапывались так называемые общие

¹⁰² Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 38.

могилы, находящиеся зачастую вне кладбища – скудельницы. Голод наступал не только после природных бедствий и войны, но и в результате неравноценной торговли со стороны псковичей. Голод являлся длительным бедствием, как указано выше: «И б тот глад по 3 года». Количество погибших было большим, хотя точная цифра не называется, летописец лишь указывает: «...а по пригородом и по волостем или по могылем в гробах покопано, то тем и числа несть».

Также интересный отрывок Псковской I и III летописей: «В лето 6738. Индикта 3, месяца мая 14, бысть знамение в солнци, в 3 час дне. Того же лета побии мраз жита вся; и бысть глад зол по всей земли, яко же не бывало николи же тако: мряхоу бо людие по оулицамь, и некому бяше погребати их, но ядахоу их пси, яко и скотиноу мертвоую. И живии моужи и жены по гробом прихожаху, плачюще с слезами кровавыми и глаголаше: болозе нам преж сего горкого часу изомроша, а нам лютъ, видяще сию тоугу и печаль. Ядахоу бо людие кони в святое говение; и иное бых зло писалъ, но горе и тако»¹⁰³. По отрывку мы видим, что голод начинается с того, что мороз побил все посева. Умиряли не только люди, но и скот. Люди в результате всего были вынуждены питаться лошадьми.

Можно сделать вывод, что смерть в Псковской I летописи не получает широкого религиозно-философского обоснования. Она предстает значимым, но не необычным явлением, ей не отводится экстраординарная роль. Летописец в ходе повествования преподносит смерть как наказание Божие за грехи и за их умножение людьми. Выглядит это обычно так: «посла богъ казнь на град и на люди, за оумножение грехов наших». Из этого следует, что смерть не наступает просто так, а насылается с повеления Божьего. Поэтому можно предположить, что летописец считает смерть за грехи плохой, но справедливой, а, следовательно, население само навлекло на себя гнев Божий за то, что жило неправедной жизнью. К этому можно отнести и частое возникновение моров,

¹⁰³ Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003., разд. пагинация (44 с., LXIV с., 148 с.). С. 12

пожаров и войн с захватчиками, особенно немцами, коих летописец называет безбожными.

Сама смерть, в большой мере, принимает форму меча, так как количество столкновений с иноземцами очень велико. К сожалению, по тексту не удастся проследить, где достигается большая смертность, в ходе войн или же в результате эпидемий.

В Псковской II летописи смерть также представлена обычным явлением, не получающим определенного объяснения, кроме связи с божественным промыслом. Указывается, что в случае эпидемии строились новые церкви, а священники начинали в них богослужение, таким способом пытаясь замолить грехи перед Богом, тем самым надеясь на прекращение эпидемии. Погода также продолжает играть важную роль, но выступает неотделимой от Бога, любое изменение погоды сопровождается предсказанием благоприятных последствий, либо чего-то недоброго. Собственно, гром и молния выступают как бы выражением гнева и ярости Божией из-за чего загораются церкви и районы города.

В Псковской III летописи смерти летописец придает некий религиозный и философский смысл. Он связывает это непосредственно с душой, как бы намекая, что те, кто смог очистить свою душу добрыми поступками, такими как раздача имущества и милостыни нищим, церкви и малоимущим, будут спасены от смерти. Также он предлагает и другой способ спастись – принять пострижение в монахи, совершив причастие и, как отмечает летописец, передав душу свою в руки ангела, тем самым ему уподобившись. Но именно в добре, как отмечает и видит летописец, есть ключ к спасению и вечному свету божьему. Также в Псковской III летописи присутствуют сведения о погребальном обряде, соответствующем, судя по тексту, известной нам православной традиции.

Глава III. Понятия «живота» в Псковских летописях и древнерусской литературе

Понятие «живот» в литературе и юридических источниках Древней Руси встречается в двух значениях – это жизнь и богатство. В связи с этим рассмотрение вопроса будет разделено на две части, каждая из которых соответствует каждому значению. Попытаемся проанализировать эти понятия не только на основе Псковских летописей, но и в контексте более широкой литературной традиции.

3.1. Жизнь

Первоначально следует обратиться к Псковским летописям, стоит сказать, что «живот» в своем значении жизнь не получает широкого освещения в летописях. Возможно, это связано со специфическим высоким стилем – с тем, что жизнь упоминается автором при восхвалении кого-либо, например: «И оумножишася дни живота его в велицѣ славѣ.»¹⁰⁴; либо же при цитировании, касаемо клятвы о службе: «...слоужите сынови моему, акы самому мнѣ всѣмъ животомъ своимъ.», «...братѣе моужи псковичи, кто старѣ тоа отецѣ, а кто млад то ми брат, слышалѣ есми мужество ваше въ всех странах; се же вамъ предлежитъ живот и смерть; братие моя, потягнетѣ за домъ святыя Троица и за святыя церкви, за свое отечество.»¹⁰⁵. Такое же употребление характерно для русских былин¹⁰⁶. В похожем значении живот упоминается при описании эпидемии, когда люди обращаются к мыслям о приближающейся смерти: «...аще кто отхракнетъ кровью, то на 2 день или на 3 || день оумираше, то вскорѣ помышляше о своемъ животѣ и о души»¹⁰⁷. Поэтому условно осмысление «живота» как жизни, можно подразделить на восхваление жизни

¹⁰⁴ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 15.

¹⁰⁵ Там же. С. 17.

¹⁰⁶ Живот // Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (Л-П). СПб., 1893 с. 867–868.

¹⁰⁷ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 100.

определенного человека; при воодушевлении, как воззвание к жизни; обращение к жизни в свете приближающейся смерти, как мысли о душе, пройденном жизненном пути. При этом трактовка последнего упоминания может быть и неоднозначна: возможно, в выражении «помышляше о своемъ животѣ и о души» не сопоставляются «жизнь» и «душа», а противопоставляются земное (живот-имущество) и бессмертное, небесное (душа).

Живот как «жизнь» – одна из самых встречающихся трактовок в литературе Древней Руси. Обращаясь к такому памятнику древнерусской литературы как «Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона», стоит сказать о его жанре. «Слово» предстает как повесть, а точнее торжественная речь первого митрополита киевского Илариона. В основе произведения лежит рассуждение о «законе» и «благодати», характер произведения сугубо религиозный. Данный памятник был написан, предположительно, ближе к середине XI в. Живот в «Слове» – зачастую обращен к жизни, то есть живот преподносится Иларионом в основном только как жизнь, без другого смысла. Одно из первых упоминаний живота выглядит следующим образом: «И потыкающемся намъ въ путехъ погыбели, еже бѣсомъ въслѣдовати и пути, ведуцааго въ живот, не вѣдущемъ, къ сему же гугънахомъ языки нашими, моляше идолы, а не Бога своего и творца, посѣти насъ челоуѣколюбие Божие».¹⁰⁸ В данном предложении можно проследить, во-первых – отношение Илариона, непосредственно, к язычеству и во-вторых – то, что живот, то есть жизнь, упомянута как вечная, той есть, подразумевается путь в вечную жизнь. Из этого следует, что обращение к вечной жизни возможно только при обращении к христианству, язычество в этом контексте выглядит тупиком – «И потыкающемся намъ въ путехъ погыбели, еже бѣсомъ въслѣдовати и пути, ведуцааго въ живот, не вѣдущемъ».

Также встречается двусмысленное понятие живота, так Иларион пишет: «не тридесяти сребра възимаемъ на немъ, нъ другъ друга и весь животъ нашъ

¹⁰⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI век. - СПб.: Наука, 1997. – С. 40.

тому прѣдаемь»¹⁰⁹. «Предание живота», может иметь два значения – предание всей жизни или же предание всего имеющегося имущества. Так как, повесть имеет религиозный характер и идет упоминание о тридцати сребрениках, то речь скорее идет о предании живота Богу.

Связь веры и живота – один из главных мотивов в «Слове»: «Нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу въ Христа, живота всему миру»¹¹⁰. Иларион отмечает, что уверовавший не может так просто умереть, ведь Христос и есть жизнь, которая дарована всему миру. Приведенная молитва Илариона также взывает о том, что Бог и есть жизнь, и познать вечную жизнь можно только сблизившись с Богом: «Тобою бо обожихомъ и Живота Христа познахомъ. Съкорчени бѣхомъ отъ бѣсовскыя лъсти и тобою прострохомся и на путь животныи наступихомъ»¹¹¹. Можно заметить, что путь живота или животный путь, означает именно жизненный путь человека, на который можно вступить путем исправлений, а именно, как отмечает Иларион, от бесовских прельщений.

«Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона», сообщает, что живот, в своем значении – жизнь, есть ничто иное как сам Бог. Соответственно с этим, познать Бога, уверовать и есть жизненный путь каждого, а также это путь в вечную жизнь или жизнь с Богом.

Изборник 1076 года как сборник статей нравственно-христианского характера представляет интерес для понимания важных христианских ценностей древнерусского человека, как слово о том, что полезно душе человека. Живот является главной составляющей частью многих статей, иначе можно сказать – они повествуют о том, как правильно живот проживать. Среди этих статей можно назвать «Слово некоего отца к сыну своему, слова душевнополезные».¹¹²

«Слово отца» выстроено в форме советов, наставлений младшему. Живот здесь преподносится как жизнь человеческая, брeнная и единственная, но также

¹⁰⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI век. - СПб.: Наука, 1997. С. 40

¹¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹¹ Там же. С. 53.

¹¹² Там же. С. 409.

и говорится о жизни вечной, которая следует после смерти. Одно из наставлений о животе выглядит так: «Тъмъже въ малъмъ животь възшишти вѣчныя жизни, идеже отъ сея жизни вѣсть ни скърби, ни въздыхания, ни плача, ни сътования, нъ радость и веселие, свѣтъ немърцяя: слъньце – самъ Господь»¹¹³. Поиск жизни вечной в жизни человеческой и краткой – вот, что советует автор, он пишет о том, что в жизни вечной, в отличие от людской, нет ни скорби, ни грусти, но есть радость, а солнце там сам Господь. Вечная жизнь представляется как место вечного спокойствия, избавленное от всего болезненного – это и есть то, что следует искать в жизни обычной.

Живот и смерть едины, то есть после смерти продолжит существовать лишь душа человека, и об этой душе стоит размышлять: «Тъмъже въ животь своемъ своей души размышляй и тою крѣпко пѣйся, яко едина ти есть душа, едино врѣмя живота, едина смърть»¹¹⁴. Душа – то сокровенное, то, что представляется единственным в человеке, то, что скорее всего продолжит существовать всегда.

Нет ничего хуже, по мнению автора, чем горькая жизнь: «Нѣсть веселия паче радости срдѣчныя, луче есть смърть паче живота горька». Жизнь, в которой отсутствует радость – ничем не лучше смерти. Смерть представляется выходом от всей скорби и то, что наступает после есть вечная жизнь, как было замечено ранее, наполненная радостью, ибо солнцем светит сам Бог.

В следующем отрывке автор пишет: «Чядо, въ животь своемъ искуси душу свою и виждь; чѣто ей есть зѣло и не дажь ей: не ключить бо ся вѣсе вѣсьмь, не вѣсяка душа въ вѣсьмь благоволить»¹¹⁵. Жизнь представляется как испытание души, которое принесет понимание того, что есть зло для нее, а что добро. Зло – то, что вредно душе, следует пресечь и заполнять душу добром – то есть творить добрые дела при жизни. В слове старца младший наставляется на праведную жизнь, на совершение добрых дел, который испытают душу при жизни. Все зло, что получит при жизни человек, исчезнет после смерти, но для

¹¹³ Библиотека литературы Древней Руси. Том 2. XI-XII века. - СПб.: Наука, 1999. С. 410.

¹¹⁴ Там же. С. 452.

¹¹⁵ Там же. С. 454.

этого стоит пройти через многое, чтобы понять и добро, и зло. Наградой же за это является живот вечный, то есть рай, где каждого ожидает Господь.

Киево-Печерский патерик – сборник рассказов о жизни и подвижниках Киево-Печерского монастыря, свидетельствует об удивительных случаях, связанных с воскресением из мертвых и жизни вечной. Патерик возник еще в первой трети XIII века, вначале как переписка, и после неоднократно дополнялся. В своей основе Патерик дошел до нас, благодаря реконструкции А.А. Шахматовым и Д.И. Абрамовичем.

Как указывалось ранее, радость – это то к чему стремится человек в смерти своей, то, что ожидает его после смерти, то же можно увидеть в следующем отрывке: «Радости бо есть день и веселиа, егда муж праведень и преподобенъ конецъ житиа въсприимет, егда покой трудовъ своих узрит, егда, печаль оставль, на веселие грядет, егда, землю оставивъ и земнаа вся, на небеса идет, егда челоуѣкъ оставль, и съ аггелы въдворяется, и Бога зрѣти сподобляется. В сий бо день учитель нашъ, наставник же и пастыръ, преставися въ вѣчный живот...»¹¹⁶. Смерть сопровождается уходом от печалей земных, что и есть переход в жизнь вечную, по мнению монахов монастыря.

Чудесный случай воскресения умершего появляется в Слове 32 «О преподобном Марке Пещернике, повелений которого мертвые слушались»¹¹⁷. Мертвые, воскресаящие от слов преподобного и ждущие своего отхода в жизнь вечную – это можно увидеть в отрывке: «Пришедый же братъ, послуша преподобнаго, прииде в монастырь и обрете всю братию, обычное пѣние над ним съвршающу. И ставъ у мертваго, и рече: «Глаголетъ ти Марко, яко мѣсто нѣсть ти уготовано, брате, но пожди еще до утрия. И удивишася вси словеси сему. И егда сиа изрече братъ предъ всѣми, и ту абие прозрѣ мертвый, душа его възвратися во нь, и пребысть день той и всю ночь, отврѣстѣ имы очи, и ничтоже глагола никомуже. Заутра же братъ онъ, приходивый прежде, иде в пещеру, хотя увѣдѣти, аще мѣсто уготовано есть. К нему же рече блаженный:

¹¹⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. XII век. - СПб.: Наука, 1997. – С. 336.

¹¹⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. XII век. - СПб.: Наука, 1997. – С. 435.

«Шед, рци умершему: «Глаголеть ти Марко – остави животь сий временный и прииди на вечный, се бо мѣсто уготованно ти есть на приятие тѣлу твоему, отдай же Богу духъ твой, тѣло твое съ святыми отци здѣ положено будет в печерѣ». Пришедъше же братиа вся, сиа изъглагола ожившему, и ту абие смежи очи свои и предасть духъ – прѣд всѣми, пришедшими посещения ради его. И тако честнѣ положенъ бысть въ преди реченнемъ мѣсте в печерѣ. И сему чудеси вси удивишася: како словомъ блаженнаго оживѣ мертвый, и паки повелениемъ его преставися»¹¹⁸. Ожидание смерти и перехода в вечную жизнь, по этому отрывку, можно связать с обязательным погребальным обрядом – чтобы душа смогла покинуть тело.

«Прение живота со смертью» или же в раннем переводе «Двоесловие живота и смерти, сиречь стязание животу с смертью» является дословным переводом немецкого стихотворного диалога, который был написан в конце XV в. На Руси «Прение» претерпело изменения, изменилось само название и содержание было переработано. Главной темой «Прения» является спор живота, который представлен воином, разъезжающим по округе и похваляющимся своими подвигами, со смертью, старающейся забрать жизнь воина. Произведение представлено в форме диалога, два героя спорят друг с другом, приводя доводы в свою пользу.¹¹⁹

Смерть в произведении представляется грозной и угрожающей, страшной человеческой природе: «И прииде к нему смерть, и бѣ видѣние ея страшно, яко лев ревый, всячески страшна от человеческого устройства. Носящи же с собою оружия всякия: мечъ, ножи, пилы, рожны, серпы, оскорды и уды, инья же незнаемая, и ими же кознодѣйствует различными образы», «Образ твой страшень велми: подобие у тебя человеческое, а хождение звѣриное».¹²⁰ Она совмещает в себе человеческие и звериные черты и носит при много оружия – чем и дополняет свой ужасающий облик. Жизнь в лице воина представлена довольно скромно: «Нѣкий человекъ воинъ удалецъ ѣздяше по полю чистому и

¹¹⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. XII век. - СПб.: Наука, 1997. – С. 436.

¹¹⁹ Оригинал одной страницы рукописи – см. Приложение №2.

¹²⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Том 10. XVI век. - СПб.: Наука, 2000. – С. 94.

по роздолию высокому»¹²¹. Этот образ дополняет сам воин, повествуя о своей силе и подвигах: «Да азъ есмь воинъ удалецъ, в ратномъ дѣле многия полки побиваю, а единъ от человекъ никто же может со мною побитися, ни противу стати на мя»¹²². Описание, которое составил себе воин, попросту соответствует образу былинного богатыря – и полки побеждает, а в одиночку и сравниться с ним никто не может. Воин не страшится смерти и прогоняет ее прочь, на что та не уходит и перечисляет список забранных ей людей, великих правителей и легендарных героев: «Александр, царь македонский, удал и храбр был, да и того яз взяла, аки единаго от убогих. А царь Давидъ, в пророцех пророкъ был, да и того яз взяла. О человеце, не мудрее ты царя Соломона – царь Соломонъ хитр и мудр был, да и той со мною не смѣл поговорити, и того яз взяла. Акирь Премудрый во Алевитцкомъ царьствии, не было таковаго мудреца ни под солнцем, да и тот со мною не смѣль поговорити, и азъ и того взяла»¹²³. Услышав это, воин милости испросил, но смерть решительно отказала ему.

В попытках убедить смерть – жизнь в лице воина получила поражение. Смерть также отказалась дать время воину на приготовление погребения: «И рече: «Госпоже моя смерть! Дай же, госпоже, да шед приуготовлю погребалная: срачицу и саванъ и ина, яже на потребу тѣлу своему». Рече же смерть: «Никакоже, человеце, не отпущу тя».¹²⁴ Воин оказался бессилен перед смертью, все его ратные подвиги уже не имели значения – перед смертью оказались равны все. Попытки обмануть смерть выглядят слишком наивными – она застаёт воина врасплох, он предстает перед ней беззащитным и жалким, пытаясь умолить ее. Перед своей смертью, воин заклинает ту же смерть злодейкой: «Ох, ох, ох! Смерть злодѣю, кто тя может убежати? Увы, увy мнѣ, не готов есмь, горе мнѣ грѣшному, пришел немилостивый злодѣй по меня! По правдѣ дано имя ей смерть, о немилосердию твоему, злодѣю!»¹²⁵ Решимость смерти настолько шокировала воина, что он без сопротивления позволил ей

¹²¹ Там же. С. 94

¹²² Там же. С. 94.

¹²³ Там же. С. 95-96.

¹²⁴ Там же. С. 96.

¹²⁵ Там же. С. 96.

раскромсать свое тело. После этого, смерть дала что-то выпить уже умирающему воину: «И по сем налия в чашу, не вѣм что в ней, не разумѣю никагоже, дасть ми пити – мнѣ же не хотящу»¹²⁶. То, что дала смерть выпить воину, позволило телу исторгнуть душу и вознестись ей к небесам: «И отторже ми душу и скоро искочи из мене, ис тѣла, яко птица от тенета. И абие краснии они уноши взяша душу мою...». Вылетевшую душу подхватили юноши, которые, судя по контексту повествования, были ангелами. В последних строках произведения, воин, глядя на свое мертвое тело, находит его гнусным и омерзительным: «Якоже кто ис себе выпустит кал да гнушается его и бежит от него, тако же человеческое естество мертво и ненавидѣмо всѣми. Аминь»¹²⁷. Покидая тело, душа воина начинает осознавать свою свободу, свободу от брэнного тела.

Диалог двух героев подходит к концу. Воин, не утрашившейся смерти – сам предается ей. Смерть же на протяжении всего произведения сохраняет хладнокровие и выражает этим главную мысль – перед нею все равны и все примут смерть неизбежно. Каким бы ни был живот, удалым воином или премудрым князем – смерть настигнет всех. Величием смерти и страхом перед ней пронизано все произведение. Могущество ее образа состоит не только в ее внешнем обликии, но и в манере речи. Живот как воин в произведении, предстает храбрым и смелым, не боящимся смерти и готовым пронзить ее своим мечом. На протяжении всего диалога, храбрость воина постепенно сходит на нет – он выглядит уже не таким бравым и сам до ужаса начинает страшиться смерти. В конце он начинает осознавать свою беспомощность и тем самым предается смерти – обретая свободу от телесности и возносясь на небеса.

«Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной», написанное в начале XVI в., посвящено объяснению разнообразия человеческих судеб и отходу людей в загробный мир, о том, почему иные милуемы, а другие в немилости.

¹²⁶ Там же. С. 98.

¹²⁷ Там же. С. 98.

Так Иосиф Волоцкий отмечает: «Аще убо младенци суще умроша, яко чисти и непорочни отшедша, животу вѣчному сподобятся»¹²⁸. Младенцы, по мнению автора, первыми обращены к вечной жизни, так как являются чистыми и непорочными. Переходя дальше, к тем, кто умирают совершеннолетними: «Аще ли ж съвершени возрастом, юни же суще, сего ради прежде времени умирають, понеже вѣдущу Богу яко хотяху житием злым и лукавым жити и сосуди лукаваго быти. Тѣмже Богъ прежде сего возьметъ их к себѣ, да и сих родители уцеломудрятся, и яже хотяху имъ стежания и имѣния уготовляти, сия к нищим и убогим и божественым церквамъ, еже о них да раздають, тако с чады своими царствія вѣчнаго получать»¹²⁹. Если Господь уличит лукавство и зло в жизни совершеннолетних, то призывает их к себе. Иосиф объясняет это тем, что так родители их смогут раздать нищим уготованные своим детям богатства, чтобы потом таким образом вознестись в царствие вечное к Богу со своими детьми. Послание скорее ориентировано на полемику с княгиней Голениной, и автор приводит такие доводы в силу того, что княгиня Голенина является вдовой.

В целом, сравнение осмысления понятия «живот» – жизнь в летописях и древнерусской литературе показывает, что летописи более лаконичны в философских рассуждениях, но летописцам были знакомы богословские основы, на которые опирается литературная традиция.

¹²⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Том 9. XV-XVI века. - СПб.: Наука, 2006. – С. 208.

¹²⁹ Там же. С. 208.

3.2. Имущество

Вновь обращаясь к Псковским летописям, стоит отметить, что упоминания «живота» в значении «имущество» не только встречаются гораздо чаще, но и могут идти подряд. Это может свидетельствовать о принадлежности текста перу одного и того же летописца. «Живот» в значении имущества дает весь спектр смыслов – от недвижимого до движимого имущества.

Упоминания имущества, в первую очередь, встречаются при описании ведения боевых действий против немцев – преимущественно упоминания о грабеже немцев, либо же о возвращении имущества обратно: «А в то время Ивашко диакъ скопи около себе нерубленых людей охвочих, и ходиша за Изборско въ слободу в Немецкую землю и приведоша множество бесчисленно полона и живота»¹³⁰, «Новгородской земли паче первыя воине князя великого; в первую бо воину мнози крыяхуся в лесѣх и за водами, а в сию воину нѣгде скрытися в лѣсѣх, оубо от мрза оумирахоу и от глада, а в домѣхъ от воинъ мнози пленени быша, мужи, и жены, и дѣти, и животы и все плѣненное на Москву сведоша»¹³¹, «а наши жены и дѣти и животы повержены в чюжеи земли»¹³². При сопоставительном анализе очевидно, что зачастую нельзя точно установить, что подразумевается под «животом»: это могут быть животные, жито, какие-либо вещи, но в целом, движимое имущество.

Далее «живот» упоминается в связи с его описанием, и тут уже речь может идти о больших объемах. Это может быть домашнее имущество целиком, а возможно и сами дома, зачастую принадлежавшие зажиточным людям: «Тоя же зимы послаша псковичи къ князю великому Ивану Васильевичи послы своя, Григорию посадника Яковлевича Кротова и Григорию Хрусталова и иных боярь с ними бити чолом, чтобы отдал своея нелюбки, что казнили смердовъ; и он въсполѣвся велѣл смердов отпустить, а посадников откликати, и животы

¹³⁰ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 53.

¹³¹ Там же. С. 57.

¹³² Там же. С. 61.

отпечатати, а князю Ярославу добити чоломъ»¹³³, «И по том псковичи слышавше посольство их и отвѣт князя великого, и въскоре отпустиша смердов, Стехна и Сырня, и Лежня, и списаноую грамоту мертвую на посадников из ларя выкынуша, и животы, и дворы отпечаташа»¹³⁴. Еще одно упоминание имущества касается передачи наследства: «да наслѣдоуютъ что от имени ихъ, но аще кто кому отдавахоу статокъ свои живота или дѣти, то и ти тако же мнози, на борзѣ разболевшеся, оумирахоу»¹³⁵. Упоминание «живота» как имущества встречается при описании его утраты, например, при пожаре: «Москва загорѣся, и много голов || погорѣ моужь и женъ и дѣтей, числомъ 2700 моуж, и живота и товароу много погорѣ, числа нѣтъ»¹³⁶. Встречается также случай грабежа богатых людей: «меншия люди начата грабити богатыхъ людей животы, а гасить не оучали, а все || то за наше съгрѣшение, рагоза и нелюбовь»¹³⁷, здесь, как можно увидеть, это делалось из мести. Эти случаи употребления понятия «живота» как имущества можно разделить на такие ситуативные категории: утраченная или утерянная совокупность всего имущества; описанное или переписанное имущество; наследство.

Продолжая обращение к псковским произведениям, стоит обратить внимание на «Повесть о Псковском взятии». Произведение посвящено 1510 г., когда Псков потерял свою самостоятельность и был подчинен Москве. Как отмечалось ранее, слово «живот» как имущество начинает употребляться с начала XVI в., в этом произведении это также можно заметить. Особенно четко это представляется в псковских произведениях. Стоит также сказать, что «Повесть о Псковском взятии» включена состав псковских летописей.

О том, почему живот – это имущество, говорит следующий отрывок: «И подаваша тѣх за приставы, кои были в гридне, и поидоша за приставы по подворьям, и начата скручатися к Москве тое ноци, з женами и з дѣтми, и животы легкие взята с собою, а то все пометаша, и поѣхаше вборзе с плачем и

¹³³ Псковские летописи / А.Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 65.

¹³⁴ Там же. С. 66.

¹³⁵ Там же. С. 101.

¹³⁶ Там же. С. 136.

¹³⁷ Там же. С. 232.

рыданием многим»¹³⁸. Живот тут представлен как груз, поклажа, то, что не успели взять переселенные 300 псковских семей. Такая замена может быть связана с тем, что в обиход начинает входить слово – жизнь, а живот больше представляется чем-то движимым и недвижимым, тем, что можно взять с собой и оставить в наследство.

«Повесть о Псково-Печерском монастыре» – еще одно псковское произведение, сборник описаний, сказаний. Повесть задумывался как письменная история монастыря, начал создаваться в начале XVI в. Отмечая тот факт, что это псковское произведение, тут также можно встретить упоминания живота в смысловом значении имущества. В обиходе используются два понятия живота: как жизнь и как имущество.

Одна из частей Повести посвящена осаде Пскова войсками Стефана Батория – именно в этой части можно обнаружить применение термина «живот» в значении имущества. В грамоте, направленной служителям монастыря, описываются условия сдачи монастыря без пролития крови – в этой грамоте и фигурирует живот: «И язъ пишу сию грамоту для вас, чтобы есте сами по доброй воли монастырь здали, стрелцовъ из монастыря выслали, а сами со всѣми животы своими из монастыря вышли. А язъ вас велю и с вашими животы и со всею рухлядию проводить до тѣх мѣсть, гдѣ вы похотите. А которые в монастырѣ у васъ господарьския люди, и вы бы тѣх людей и съ ихъ животы оставили в монастырѣ и тѣ всѣ животы, которые были королевскихъ нашихъ людей. А будетъ похотите в том монастырѣ жити, молити Бога за государя короля, и король государь вас пожалуетъ. А будетъ не похотите в том монастырѣ жити и из монастыря пойдете вонъ и з стрелцы и со всѣми тутошними людми и съ ихъ животы, и то на вашей воли»¹³⁹. Живот тут представлен цельно – как определенное имущество. К сожалению, не указывается о каком именно имуществе идет речь. Возможно – это личные вещи упомянутых польских королевских людей.

¹³⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Том 9. XV-XVI века. - СПб.: Наука, 2006. – С. 230.

¹³⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век. - СПб.: Наука, 2005. – С. 502.

Продолжая анализ рассказа о нападении Стефана Батория на Псков, стоит отметить связующее произведение, которое послужило источником описания события как для Псковских летописей, так и для «Повести о Псково-Печерском монастыре» – это «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Повесть была составлена в 80-ые гг. XVI вв. Как и в предыдущем произведении тут живот как имущество соседствует с животом-жизнью, при этом оба смысла никак не перечат друг другу. Упоминание об имуществе выглядит похожим на словоупотребление в «Повести о Псково-Печерском монастыре»: «По окольным же селам и волостем такоже посылаше, дабы кождо во свои приближныя городы ѓхали з женами и з детми и со всѣми животы в осаду»¹⁴⁰.

«Псковская летописная повесть о Смутном времени» начала XVII в. повествует о сложном времени в истории Руси, а также отражает позицию псковичей в это сложное время. Данная повесть также показывает, что с течением времени, а именно с XVI в. на Псковщине складывается смысловое понятие живота как имущества. В упоминании идет речь о состоянии, которое сложено в корчме: «такоже будет от нас граду сему Пскову, понеже убо живот наш весь здѣ положен в корчмѣ»¹⁴¹.

О том, что живот как имущество, может быть представлен и человеческой жизнью, можно узнать из ряда произведений, но стоит сказать, что эти памятники являются переводными – европейскими по своему происхождению или же восходят к арабским. Одно из таких произведений – «Тайная тайных», древнерусский вариант памятника «Secretum Secretorum», известный в Европе. «Тайная тайных» представляет собой сборник житейских наставлений по различным вопросам. Дата перевода памятника – XV-XVI вв.

Имущество, как живое в виде скота, также живое в виде рабов: «Не есть бо истинно купление купити животы, иже по сему отбѣгают рабы и рабыни; но истинно купление ти купити душу, зань же по них идутъ животы»¹⁴². Отрывок повествует о том, что недостаточно просто приобрести раба – необходимо

¹⁴⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Том 13. XVI век. - СПб.: Наука, 2005. – С. 548.

¹⁴¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 14. XVI-XVII века. - СПб.: Наука, 2006. – С. 602.

¹⁴² Библиотека литературы Древней Руси. Том 9. XV-XVI века. - СПб.: Наука, 2006. – С. 372.

купить его душу, так как за ней идет тело. Рабы здесь, несомненно, упоминаются как вид живого товара, то есть имущества.

Наряду с этим, есть другой переводной памятник – «Александрия» или «Сербская Александрия». Произведение является одной из версий греческого сочинения II-III вв. и была переведена на Руси примерно в XIV в. Сочинение повествует о царе Александре Македонском и других исторических личностях. В этом произведении также можно заметить, что речь о человеческой жизни идет вместе со словом «купити». Таким образом, можно судить о том, что жизнь также приравнивается к имуществу, она может быть выкуплена или присоединена, о чем речь идет в отрывке: «Да аще хочете живот свой купити и землю вашу к моей примесити и воедино с македоняны быти?»¹⁴³ Сохранение жизни путем присоединения, ассимиляции связывается тут с продажей жизни своей другому народу. По мнению переводчика, такое предложение выглядит как предложение о купле-продаже.

Трактат «О причинах гибели государств» – памятник новолатинской литературы, попавший на Русь в XVII в. также свидетельствует о животе как имуществе. Описывая одну из причин, переводчик пишет: «И коли то хотѣние до чюжих животов приступитца, тогда единомысленья и любви меж житейскими людьми не будеть и за тѣмъ дѣломъ смуты и мятеж приходит в государстве, а после разоренья государствъ и царствъ»¹⁴⁴. Зависть и желание чужих состояний, богатств обозначается здесь с использованием слова «животом».

«Домострой» – сборник указаний и наставлений о том, как следует жить и чтить традиции. Один из важнейших памятников Древней Руси, авторство которого, вероятно, принадлежит сподвижнику Ивана IV – Сильвестру. Сборник посвящен бытовой и хозяйственной части жизни Древней Руси XV-XVI вв. Одна из его глав «Како жити челоуѣку, смѣтя свой живот»¹⁴⁵ посвящена тому, как управлять расходами и доходах. Главный совет автора –

¹⁴³ Библиотека литературы Древней Руси. Том 8. XIV век. - СПб.: Наука, 2003. – С. 28.

¹⁴⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Том 14. XVI-XVII века. - СПб.: Наука, 2006. – С. 660.

¹⁴⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Том 10. XVI век. - СПб.: Наука, 2000. – С. 148.

чтобы сохранить свое имущество, нужно все постоянно отмечать. Стоит сказать, что несмотря на название, глава посвящена именно житейской части.

Один из отрывков, повествует о ведении хозяйства и управе со скотом: «А у молода человека или у вдовы только запасу такого неть, чемь живота кормит, что в сей главе писано, а коровка дойная есть или в деревни у молода человека не одна есть»¹⁴⁶. Живот определяется как домашнее животное – скотина, то есть живое имущество. Житейская часть «Домостроя» уходит от определения живота, как жизни, в непосредственно религиозном контексте. Так еще один отрывок гласит: «...дворь со всѣмь запасомь или лавка с товаромь, или деревня со всяким животомь, толко ни в кабалах, ни в записехъ, ни в порукахъ, ни в какихъ тяглехъ, ни в какихъ податехъ не зорощено»¹⁴⁷. Деревня со всяким животом или же деревня со всякой живностью, то есть животными, с хозяйством.

Подводя итог, «живот» в Псковском летописании имеет преимущественно два значения – это жизнь и имущество. Третье древнерусское значение – «животное», выявить в летописном тексте не удалось, как и современное значение слова «живот», как части тела.¹⁴⁸ В значении «жизнь» «живот» встречается зачастую в начале летописи, в дальнейшем можно видеть упоминания «живота» в связи описанием грабежей, то есть уже имущества, позднее это имущество встречается уже при описании или переписи. «Живот» как жизнь не выступает в летописи с глубоко философским осмыслением, он чаще всего выступает просто, как упоминание о жизни. Значительно чаще «живот» выступает как имущество, приобретая более ценный характер, нежели жизнь.

«Живот» как жизнь и вечная жизнь часто употребляются в текстах и произведениях сугубо религиозных и философских, составленных церковнослужителями. В таких произведениях загробная вечная жизнь

¹⁴⁶ Там же. С. 174.

¹⁴⁷ Там же. С. 198.

¹⁴⁸ В Словаре древнерусского языка фиксируются словоупотребления в дополнительных значениях в таких особых источниках, как Слова Григория Богослова, Пандекты Никона Черногорца, Сборник житий и слов XIV–XV вв., Кормчая Ефремовская, (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. III. Ст. 16637).

представляется раем, где царит вечная радость. Людям же, совершившим преступления и различные проступки уготован Страшный суд, на котором все и решится. Особенно примечательным на фоне всех произведений выходит «Прение живота со смертью», которое философски в образах повествует о споре и жизни и смерти. Итогом такого спора является вывод о том, что смерть более могущественна, от не скрыться никому и каждый ей подвластен и должен ожидать тот час, когда она придет за ним. Жизнь же представляется перетекающей формой от бытия земного к бытию загробному, границей к которому является смерть.

Стоит сказать, что очевидный переход значения «живота» в понятие «имущество» прослеживается с XVI в. Особенно это хорошо видно на примере Псковского летописания и других псковских произведений. «Живот», как понятие, постепенно отходит от жизни и закрепляется за имуществом. Имущество это может быть разнообразным – от жилых домов, личных вещей, денежного состояния до домашних животных, используемых в хозяйстве. Живот как рабочая сила или же рабы, то есть живое имущество виден на примере латинских переводных произведений, так же, как и дополнительные значения лишь в церковных произведениях, переведенных с греческого, болгарского или иных языков.

Заключение

На основании проведенного исследования стоит сказать, что изучение понятий «живота» и «смерти» посредством анализа летописного текста оказалось продуктивным, хотя и имело рамки из-за жанровых ограничений. Удалось установить, что смерть в псковском летописании представлена как нечто неизбежное, это то, что ждет всех людей. Поэтому летописец в большинстве случаев не отводит ей особой роли, и она выступает, как обычное явление. Выделяются 4 категории летописных рассказов о смерти, но все они тесно связаны между собой. К тому же, как мы убедились, смерть наступала и при довольно случайных обстоятельствах, которых никто не мог ожидать, и также была описана летописцем. Примером того служат вышеописанные случаи с молнией. В случаях, подобных этим, а также в случае эпидемий, смерть представлялась летописцем как наказание за прегрешения населения и как мы увидели, чтобы это предотвратить и умиловать Бога, строились новые церкви и совершались регулярные богослужения. Касаясь погребального обряда, мы выяснили, что сама процессия никак не отличается от обычной христианской, православной традиции. Редкое исключение составлял мор, когда церемония могла быть не совершена в полной мере или не совершена вовсе. Дабы похоронить умерших во время эпидемии, выкапывались так называемые моровые могильники – скудельницы, общие могилы, находящиеся вне кладбища.

В описании летописцев мы видим, что публичные и направленные на избавление от опасности богослужения приобретают частый характер по ходу времени, особенно частым явлением они становятся по пришествию мора на Псковскую землю.

Об этом пишет и Ф. Арьес, исследуя эволюцию представления человека о смерти: представление человека эпохи средневековья о смерти неотделимо от его религиозных взглядов и установок. Человек средневековья, по Ф. Арьесу, не боялся смерти, т.к. считает, что смерть всего лишь этап, переходное

состояние, вечный сон, который продлится до второго пришествия Христа на Землю. Все это было до выдвигания идеи о Страшном суде, который ожидает всех людей, для выявления праведников и грешников. В ходе некоей эволюции представление человека о смерти меняется. Погребальным обрядам начинает отводиться должная роль, заупокойные мессы становятся частым явлением, так как они способствуют спасению души умершего.

В результате, мы видим, что, если сравнить представления населения Руси на тот период и представления европейского общества о смерти сильно не отличаются друг от друга. Главное различие в том, что население Руси принадлежит к одной ветви христианства, то есть православию, население же Европы до Реформации преимущественно является католическим.

Смерть в Псковском летописании не получает такого образа как скелет с косой или что-то подобное, но появление персонифицированной, олицетворенной смерти на Псковской земле условно можно связать с частыми эпидемиями. Мор как бы выступает олицетворением смерти, забирающей души людей за их прегрешения. При этом, например, Йохан Хейзинга описывает, как менялся образ смерти в культуре европейского мира: от скелета с косой, восседающего на коне, быке или корове и проносящегося по полю, усеянному телами умерших до призраков, вселяющих страх одним своим появлением. Все это скрепляется религиозной мифологией. Делалось это для того, чтобы вселить человеку средневековья страх как перед самой смертью, так и перед церковью в целом. Это коррелирует и с выводами Ф. Арьеса.

Напротив, Т.В. Чумакова в своих исследованиях древнерусской культуры выделила несколько типов эволюционных представлений о смерти в отечественной традиции. Первый тип – это смерть как перевоплощение, что неразрывно связано с круговой моделью времени, данное представление получает большое распространение в фольклоре и в целом в культуре. Второй тип – смерть, которая является переходным состоянием между земным существованием и «пакибытием» – т.е. существованием в вечности. Наряду с этим получает распространение представление о том, что существовать в

вечности смогут лишь люди православные, крещенные, это связано с тем фактом, что данное представление появляется с конца X века, т.е. с момента крещения Руси князем Владимиром. Третий тип – это смерть, являющаяся итогом всей земной жизни человека, при этом смерть является снова переходом к чему-то неизведанному. Четвертый тип – смерть, как тяжелый путь, который очистит человека от совершенных им при жизни грехов, данное представление относится к периоду второй половины XIV – XVI вв., также в этот период темы смерти выходят на новый этап к русской культуре, и занимает виднейшее место. Данные выводы отчасти коррелируют с выводами историков Арьеса и Хейзинги, которые рассматривали смерть в европейском обществе, как сами представления о ней и их эволюцию, так и место смерти в культуре. Можно сказать, что все эти сходства имеются потому что в основе их лежит христианская идея, и разные течения христианства естественным образом имеют схожие детали в богослужении, совершении обрядов и т.д. Версия о смерти, как определенном этапе, переходном, стагнационном состоянии души имеет место как в культуре европейских народов, так и в русской культуре. Смерть как персонаж, всадник на кобыле, проезжающий среди бесчисленных груд тел, особенно на поле боя, также имеет место быть в обеих культурах. Все это говорит том, что представления о смерти во многих культурах имеют общее начало, заимствованное отчасти из язычества, когда тела умерших сжигали на костре, поэтому такое большое количество общих черт в представлениях о загробном мире.

«Живот» и «смерть» являются двумя неразрывными понятиями. Действительно, смерть в буквальном смысле невозможна без «живота», а «живот» без смерти. Об этом можно говорить однозначно, если понятие «живот» соответствует значению «жизнь», но контекст довольно большого количества употреблений его в древнерусских текстах указывает, что смысл понятия мог был трактован иначе. Для летописца – живот, ни что иначе как слово для описания того ли иного случившегося события. Исходя из этого, следует сказать о том, что его трактовка зависит от контекста. Упоминание то

великого князя обращает летописца к восхвалению его жизни, о том, что многие присягают ему на службу «животом своим». При описании наступления войска, начала битвы – летописец использует слово «живот» для придания красочности, торжественности, чтобы показать, что бились не на жизнь, а на смерть. Это воззвание к жизни придает храбрости, смелости войску для создания целостного образа. Настигающие бедствия, такие как мор, пожары служат для человека того времени чем-то непостижимым они возникают слишком стихийно и заканчиваются также. Для средневекового человека – это тяжкое бремя, что и замечает летописец. В это время люди начинают обращаться к Богу – молиться, размышлять о пройденном пути, раскаиваясь самим себе. Мысли о душе становятся главным размышлением, помыслы о том, что ждет их после смерти, какова будет их смерть. Этот страх, подчеркиваемый летописцем, передает религиозность мировоззрения средневековых людей. Страшный суд выступает и точкой притяжения, и камнем преткновения в мышлении людей – он и является источником мыслей о душе, раскаянии.

Осмыслению жизни в произведениях литературы Древней Руси уделяется немного больше внимания на первый взгляд. При более подробном приближении, особенно к отчасти или полностью религиозно-философским произведениям можно заметить гораздо больше. По сравнению с летописью, в литературе «живот» упоминается зачастую в сочетании с эпитетом «вечный», что означает вечную, загробную жизнь. Ориентация идет на связь вечной жизни и жизни земной, при этом делается акцент на то, что вечную жизнь получают те, кто совершал добрые дела – что, несомненно, было отмечено свыше и не забыто, а также тем, кто уверовал и избавился от «бесовщины» – элементов язычества. Вечная жизнь также представляется местом абсолютного спокойствия, свободным от мук земных – местом, где царит радость, а солнцем является сам Господь. Смерть в этом представлении выступает мостом – отделяющим две стороны – жизнь земную и жизнь вечную. При переходе через этот мост, человек освобождается от всех печалей, что тревожили его при жизни.

Присутствует мысль и о испытании души. Человек за свое земное существование должен познать и добро, и зло. Таким образом его душа будет испытана, но стоит сказать, что акцент идет преимущественно на испытание ее добром. В текстах церковнослужителей и монашества прослеживается мысль о том, что уход в монастырь – есть путь к очищению и ограждению себя от того же зла. Посвящение всей жизни молитвам как путь к вечной жизни. При этом, истории обитателей монастыря поражают удивительными чудесами такими как, воскресение из мертвых. Стоит сказать, что несмотря на такое чудо, человек не полностью «оживает» – он, судя по описанию, открывает глаза и ждет погребения. Погребение трактуется как обязательная часть для вознесения, без него душа не сможет покинуть тело.

Неизбежность смерти – вот на что обречен каждый «живот». Поэтому суть обращения к жизни выглядит как напоминание о скорой смерти. Не так важно будет ли она в скорое время или же спустя полвека – она произойдет. И одна из главных мыслей, проходящая через произведения – это необходимость покаяния.

Время идет и эпохи сменяются, так и смысловое значение некоторых слов претерпевает изменения. Что происходит и с «животом». Происходит постепенная трансформация понятий: то, что означало жизнь, со временем начинает означать имущество. Такая смена прослеживается на стыке средневековья и нового времени. С XVI в. это особенно становится заметно в Псковском летописании. «Животы» становятся количественными, то есть обозначается сразу несколько вещей, а не одна жизнь. Имущество может быть далеко не однотипным. «Живот» может остаться живым и при этом быть имуществом. Первое, что под этим подразумевается – это домашний скот. Несомненно, это имущество, его можно продать или купить. Второе – рабочая сила или рабы. Не указывается является ли такой «живот» наемной силой, в большинстве своем – это рабы. Человеческая жизнь также расценивается как имущество для другого человека. Стоит отметить, что связь рабов и

обозначение их «животом» прослеживается, преимущественно, в переводных европейских или же восходящих к арабским сочинениях.

Имущество начинает упоминаться очень часто – при передаче наследства, при утрате имущества, описанное или переписанное имущество. Имущественные отношения с XVI в. в текстовом описании начинают возникать гораздо больше, чем простые отношения жизни и смерти.

Источники и литература

1. Альманах «Фигуры Танатоса». Вып. 1–5. СПб, 1991–2001.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской Св.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс» «Прогресс- Академия», 1992. 528 с.
3. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867.
4. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997.
5. Валеров А.В. История изучения псковского летописания // Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004. 315 с.
6. Введенский А.М. Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 199–209.
7. Введенский А.М. О нижней временной границе составления общего протографа псковских летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (69) 2017. М., 2017. С. 21 – 22.
8. Вовин А.А. К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 103–114.
9. Вовина-Лебедева В.Г. К истории изучения псковских летописей//Псков – Москва: 500 лет в едином государстве: Сборник трудов международной научной конференции 19 – 21 мая 2010 г. Псков: Псковская областная типография, 2011. С.416–442.
- 10.Городилин С.В. Иван Репня Оболенский: «наш князь» или чужой наместник? К вопросу о статусе псковских князей в XV – начале XVI вв.

- // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 63-го семинара им. академика В. В. Седова. Псков, 2019.
11. Грачев А.Ю. Соотношение категорий жизнь и смерть в русской книжной традиции XI – XV вв. Доклад, прочитанный на конференции «Проблемы войны и мира во всемирноисторическом опыте», 2017 (готовится к печати, ПсковГУ, 2018).
 12. Грузнова Е.Б. Могилы правителей в ранний период русской истории // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №6.
 13. Ершова Т.Е. Скудельница средневекового Пскова по материалам раскопок 1985–1986 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. Псков, 1987.
 14. Калюта А.В. Представление о душе и ее переходе в загробный мир у русских Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение северо-запада России I и II межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. СПб., 1998. С.64-66.
 15. Категории жизни и смерти в славянской культуре. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.
 16. Кафенгауз Б.Б. Древний Псков (Очерки по истории феодальной республики). М., 1969.
 17. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2003 года // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. Москва, 2003. С. 5–7.
 18. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 1. СПб., 1863.
 19. Кузьмин В.Г. Моровые кладбища средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2006.
 20. Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV-XV веках. М., 2011.
 21. Линдт Дж.Х. Некоторые соображения о Невской битве и её значение [Reflections on the Battle on the Neva and its impact, in Russian] // Александр

- Невский и его эпоха. Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб, 1995. С. 44-54.
22. Мальшева Н.Н. Древнерусский некрополь Пскова X- нач. XI в. // Псков в российской и европейской истории: В 2Т. Т.1. М., 2003. С.103-111.
23. Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
24. Милютин Н.Н. К изучению погребального обряда Псковского некрополя // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Псков, 1989. С.15-16.
25. Михайлов А.В. Исследования грунтовой части Залахтовского могильника: погребальный обряд и традиции // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В.В. Седова: материалы ЛШ заседания (10-13 апреля 2007 года)/РГНФ; Ин-т. Археологии РАН; Псковский археологический центр. Псков, 2008. С.199-208.
26. Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18.
27. Несин М.А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 17–23.
28. Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
29. Охотникова В.И. Летописи Псковские//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып.2 (вторая половина XIV-XVI вв.) Ч.2. С.28.
30. Охотникова В.И. Псковские летописи как литературно-исторические памятники // Псковская губерния. №38(58).
31. Повесть временных лет [Текст] / Акад. наук СССР; подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 22 см. (Литературные памятники). Ч. 1: Текст и перевод. 1950. 404, [1] с., [48] л. ил.

32. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.
34. Попов С.Г. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной псковщины) // Церковная археология. Ч.1. СПб. Псков. 1995 С.98-101.
35. Псковские летописи / Пригот. к печати А.Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
36. Псковские летописи / Пригот. к печати А.Н. Насонов. М.; Л., 1955. Вып. 2.
37. Седов В.В., Александров А.А., Белецкий С.В., Волочкова О.К., Ершова Т.Е., Закурина Т.Ю., Кильдюшевский В.И., Колосова И.О., Лабутина И.К., Плоткин К.М., Сергина Т.В., Харлашов Б.Н. Археологические раскопки в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1987.
38. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988-2000.
39. Хейзинга, Йохан. Осень Средневековья / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с, ил.
40. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа [Электронный ресурс]: URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chumakova-tv/obraz-cheloveka-v-kulture-drevney-rusi-opyt-opyt-filosofsko-antropologicheskogo> (дата обращения 21.03.2020).
41. Чумакова Т.В. Смерть и бессмертие в древнерусской культуре // Философский век. Альманах. Вып. 10. СПб., 1999.
42. Шангина И.И. Семейный быт. Обряды жизненного цикла. // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков.: ПОИПКРО, 1998. С.236-253.
43. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

Приложения

Приложение №1

Категории смерти	Случаи смерти
Смерть князей	<ol style="list-style-type: none"> 1) В лето 6387. Умре Рюрикь... 2) В лето 6388. ...и оболгавь Асколда и Дира и уби ихь. 3) В лето 6419. Умре Олегь; а смерть ему оть коня своего, и выйде изо лба змия и уязви его в ногу, и умре. 4) В лето 6453. Иде Игорьь в Древляны, и приложи на нихь дань къ дани, и убиша (его). 5) В лето 6477. Умре Олга. 6) В лето 6480. ...уби Ярополкъ Олга брата своего... 7) В лето 6488. Володимерь же иде къ Полотску и уби Роговолода и 2 сына... 8) Умре же царь Костянтинь... 9) ... о оубиения Бориса и Глеба, лът 28. 10) В лето 6772. Преставися великий кнзья Александр Ярославич. 11) В лето 6807. Тогда же и князь Домонть преставися... и плакахуся его много псковичи, и положиша его в дому святыхъ Троица. 12) В лето 6849(1341) ... оубиша Немцы в Лотыгось на селе на Опочень, псковских пословъ пять мужь, Михаила Любиновича и с нимь дружину его на миру; ... и оубиша о князи Юрии изборянь и пскович 60 мужь... 13) В лето 6851(1343). ... оубиша князя Юрья и другаго Юрья Омачина брата, и иных многих людей изборянь; бысть же тогда во Псковь скорб и печаль велика.
Смерть посадников	<ol style="list-style-type: none"> 1) На первомъ ступь оубиша Немцы Кюря Костинича и Кормана посадника, Онтоня сына Ильина и иных многих мужский псковичь. 2) В лето 6831(1323). Тогда же оубиша посадника Солила Олексинича. 3) В лето 6915(1407). ... и оубиша на первомъ ступь Еленьтия посадника Кортача, посадника Панкратия, посадника и иных болярь много и сельских людей много избиша, а всех числомь яко до семисотъ головь. 4) В лето 6992(1484) Того же лъта посадника оубиша

	<p>Гаврила, месяцы июня въ 13, а оубиша его всем Псковом на вече.</p> <p>5) В лето 7009-е(1501). И бысть пособие божие псковичам, о убиша на первом сступе Ивана Теншина посадника псковского.</p>
Смерть в бою	<p>1) На первомъ ступь оубиша Немцы Кюря Костинича и Кормана посадника, Онтонна сына Ильина и иных многих мужский псковичь.</p> <p>2) И оубиша Немцы на томъ бою 17 человекъ псковичь, а инии бесознаниемъ издурьли, и тако блудящи по лесу много их изгибло.</p> <p>3) В лето 6739(1241). Взя князь Александръ городокъ Копорию, а Немцы изби.</p> <p>4) В лето 6747(1239). Избиша Литва на Комнь пскович засадою.</p> <p>5) В лето 6748. Избиша Немцы пскович под Изборском 600 муж.</p> <p>6) В лето 6750. Пришед князь Александръ и изби Немець во градъ Псковъ и градъ Псковъ избави от безбожных Немець, помощию святыя троица.</p> <p>7) В лето 6755-е. Избиша Литва псковичь на Кудени, месяца июля въ 3 день.</p> <p>8) В лето 6849(1341). ... оубиша Немцы в Лотыгось на селе на Опочень, псковских пословъ пять мужь, Михаила Любиновича и с нимъ дружину его на миру; ... и оубиша о князи Юрии изборянь и пскович 60 мужь...</p> <p>9) В лето 6851(1343). ... оубиша князя Юрья и другаго Юрья Омачина брата, и иных многих людей изборянь; бысть же тогда во Псковъ скорб и печаль велика.</p> <p>10) В лето 6915(1407). ...и оубиша Немець 20 мужь, а 7 живых рукама яща, помощию святыя троица; ...и оубиша Немець 300 и 15 мужь, а пскович оубиша 34.</p> <p>11) В лето 6934(1426). ...и оубиша псковичь 17 мужь, а рукама яща пскович 13 муж.</p> <p>12) В лето 7010-е(1502). Немцы ... городок взяше и огнем выжегоша, и людеи плениша, иных мечу придаша, а иных огнем сожгоша, и жен и детей.</p>
Мор и пожар	<p>1) В лето 6738(1230). ... Того же лета побиль мраз жита всюду и бысть глад золь по всей земли, яко же не бывало николи же тако: мряхуть бо людие по оулицамъ и никому бяше хранити их, но ядыхнуть и пси, яко скот мертвый.</p>

- 2) В лето 6839(1341). ... мряхут бо старья и младья дети; не бяше бо где их погребали все бо могиле воскопано бяше по всем церквам; а где место всь скоплють или мужу или жене и ту с ним сложить малых детеи 7 и 8 во единь гробь.
- 3) В лето 6860(1352). Бысть морь зол во градь Псковь и по селом смерти мнозь належащи; мряху бо люди, моужи и жены, старья и младья и малья детки и попове и ченьцы и черницы. Бяше бо тогда знамение смертное сице: аще кто отхарнет кровью, то на другии день или на 3-и оумирает.
- 4) В лето 6868. Бысть въ Плесковь втории морь лют зло; бяше бо тогда се знамение: кгда комоу где выложится железа, то вскорь оумирахоу мнози тою болезнью, много же время тои смерти надлежащи на людях.
- 5) В лето 6898. За умножение грехов наших бысть морь во градь Псковь: мряху бо старья и младья мужи и жены и малья дети; идь же выкопаша адиному гробь, ту пятеро или десятеро вложиша во единь гробь.
- 6) В лето 6912(1404). ... бысть морь во Псковь, почаше мрети с спасова дня, мряхуть первое малья дети, по томь старья и младья мужескъ пол и женскъ; а пришол бяше тот морь из Немецкой земли, из Юриева.
- 7) В лето 6914(1406). На осень бысть морь велик зло во градь Псковь и прогородом и по всеи области: мряху же мужи и жены и малья дети железюю.
- 8) В лето 6934(1426). ...преста морь во Псковь на зиму, абльь тот морь во Псковь и по всеи области от Ильина дни до Крещения господня.
- 9) В лето 6951. Преста морь во Псковь на Дмитриев день на осень, а по прогородом и по волостемь еще мерло и до Крещения господня.
- 10) В лето 6971(1466). Того же лета бысть мор во Пскове: мряхоу моужи и жены и малья дети, и по прогородам и волостем; а все то мряхоу железюю.
- 11) В лето 6971. Того же лета на осень, посла богъ казнь на граж и на люди, за оумножение грехов наших: бысть морь великьзло во радь Псковь и по всеи области града Пскова; начаша мерети месяца сентября, и бысть семь напорь, много падоша християнь в рожественное говение, мряху бь мужи и жены и малья дети, полагаху бо во едину яму по пяти и по десяти, в ао всех концах на посадь скудельницы ископаша, а полагаху мертвья а мроша сице: аще оу кого явится желеха, тот на другии

или третии день оумираше.

12) В лето 6975(1467). Того же лета начаша во Псковь опять мерети тою же знадьбою железою, и мроша от Семеня дни до Рожества Христова. Бысть же тот морь по два году с одного.

13) Мор новгородцкои. В лето 6986(1478). По войне великого князя, тоя же зиме, бысть мор в Великом Новгороде: мряхоуть бо мужи и жены и малыя дети, выкопать яму одну, и в тоу яму 2 или 3 или 10.

14) В лето 6995(1487). ...бысть мор во Пскове: мряхоу моужи и жены и малыя дети по пригородом и по волостем.

15) В лето 7014. Мор безымяной. ... мряхоу бо людеи много.

Пожар

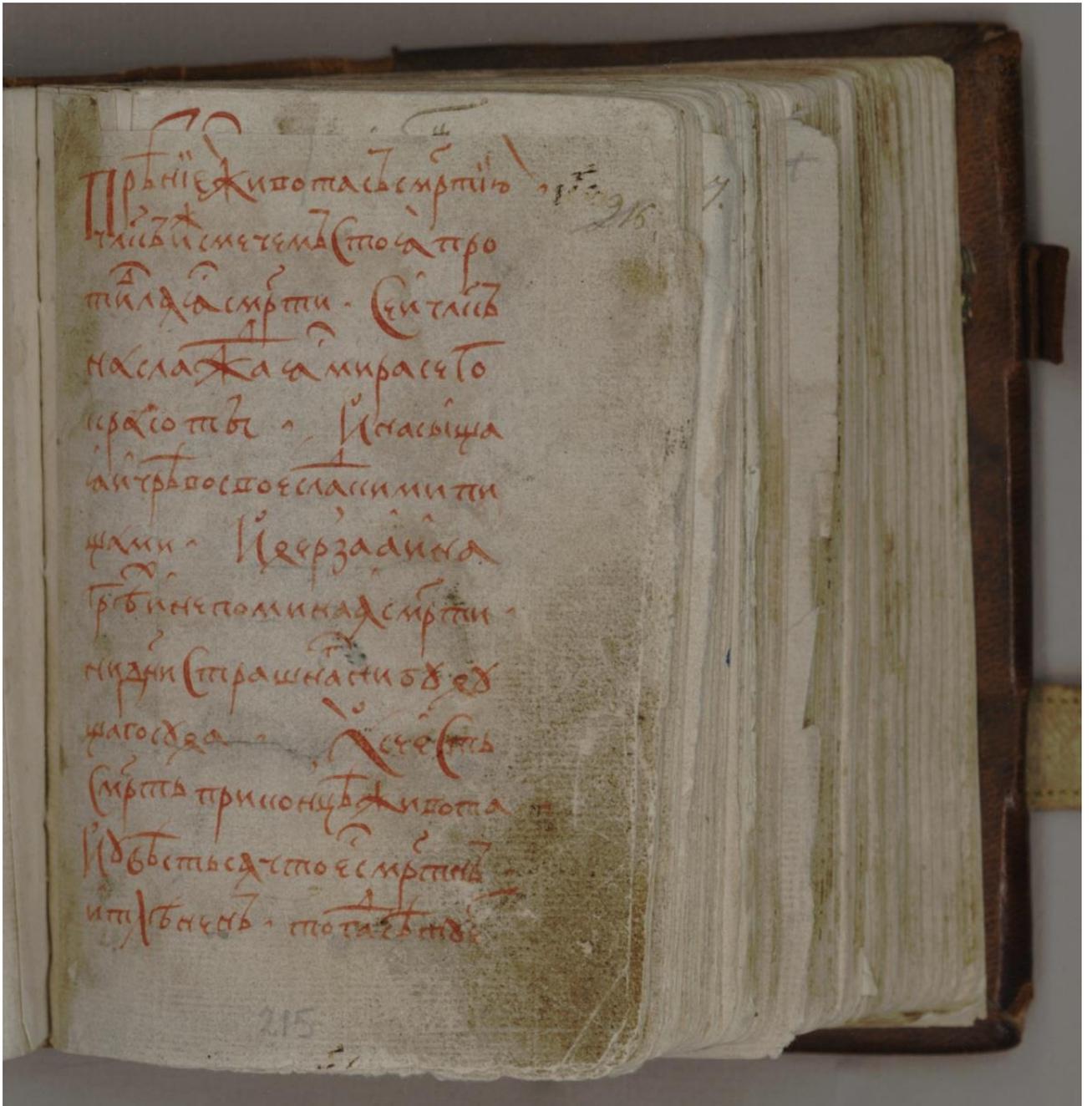
1) В лето 6844(1336). ...бысть пожарь великъ во Псковь: загорелося в ночь от Городца от Воронца и погорь Застениевсе, а детинца богь оублюде.

2) В лето 6958(1449). Посла богь казнь за оумножение грехов наших погорель вест Псковь.

3) В лето 6974. ... посла богь казнь н град Псковь: загорелося на Оусось оу старои стени въ Бараусовь двор и погорь весь Псковь и церкви священныя; ... выгорь весь град, месяца октября в 20 день, на память святого великого мученика Артемия.

4) В лето 7008(1500). По том посла казнь богь за оумножение грехов ради наших: погорь Запсковье, месяца октября в 6 день, святого апостола Фомы.

Приложение №2

Илл. из открытой цифровой коллекции Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Сол. 913/1023 Сборник.). URL: http://expositions.nlr.ru/literature/drevrus/show_Manuscripts.php?i=C84C8EA9-5053-475A-BA3D-724B2E1A69C9&v=&l=15